

Сергей Майоров

Запасной инстинкт

Переиграй убийцу!
Финал детектива
выбираем сами

«Под плохим плащом
нередко скрывается
хороший убийца»

;))

«Если зверь убивает
сознательно, это у него
проявляется человеческий
инстинкт»

«Упс!.. Её ещё тут не хватало!..»

«Сыщик?..
А я думал, это ваш
пациент...»

?!..

+ 3 альтернативные концовки!

Сергей Майоров
Запасной инстинкт
Серия «Переиграй убийцу!»
Финал детектива выбираем сами»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6546144
Запасной инстинкт / Сергей Майоров: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67805-1

Аннотация

В городе Слянке появился маньяк. Жуткие убийства происходят одно за другим. За этим монстром явно кто-то стоит, руководит его действиями. Украдены алмазы, которыми когда-то владел крутой криминальный авторитет. Интерпол подозревает, что именно из Слянска в Германию поступают человеческие органы, которые затем пересаживают богатым пациентам. Расследуя эти преступления, майор Никитин приходит к выводу, что все они связаны с трагедией, произошедшей тридцать лет назад. Мало того! Сам Никитин, тогда еще мальчик, имел непосредственное отношение к тем событиям... Помимо главного финала, у детектива есть еще два альтернативных, которые своей неожиданностью могут ввести в состояние шока даже самого невозмутимого читателя.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	82
Глава 9	89
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Майоров

Запасной инстинкт

© Майоров С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Ночь длинна.

Эту вечность не замечают те, кому еще не дано понять ее глубину и страх, пожирающий все, проникающий в каждую клетку мозга. Двое, он и она, в свои неполных пятнадцать слились в поцелуе, страстном, но еще неумелом и далеком от постижения существа любви. Они молили о том, чтобы не наступал рассвет.

Ночь длинна.

Она разделяет все, способное пожирать, на живущих в ней и страшящихся ее. Будь проклята эта ночь, роняющая капли горячей, еще живой крови на землю, уже отупевшую от бессмысленных убийств.

– Только бы не наступал рассвет.

Губы девочки онемели от поцелуев, но ей было мало. Ее руки уже устали. Они в тысячный раз вытаскивали его ладони из-под майки, но тут же разжимались и вновь пускали их туда.

– Они всегда рано приезжают и скоро будут. Что ты скажешь своим?

– Я объяснил, что поехал к бабушке за город.

– Они позвонят и узнают.

– Там нет телефона.

– Тебе пора уходить.

Он еще не умел сказать «поцелуй меня в последний раз», поэтому соскользнул с дивана, запутался в простыне, сброшенной на пол в первые часы этой ночи, и едва не упал.

Девочка улыбнулась непослушными губами и тихонько фыркнула.

Мальчик, уже стоя на коленях, дотянулся до нее, полусидевшей на диване, нежно поцеловал в щеку и спросил.

– Мы увидимся так еще?

– Не знаю, – ответила она, понимая, что лжет.

Ночь длинна.

Под лестницей, ведущей на второй этаж дома, сидел кто-то, бесшумно суча ногами по паркету и терзая свое тело у низа живота. Грязь с ботинок растиралась по полам плаща, но он не замечал этого. Человек не видел ничего. Даже себя. Он всю ночь слушал звуки, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери соседней комнаты, и истязал сам себя. Его перекоренное лицо уже не напоминало человеческое. По подбородку текла жидкая слюна, нестираный воротник рубашки оставлял грязь на шее, но он не замечал и ее, сидел под лестницей, давясь собственной яростью и страстью. Он думал лишь о той минуте, секунде, когда на скрипящем дачном диване вонзится в ее здоровое тело, еще не остывшее от чужой любви.

Он будет рвать ее зубами, ногтями, слушать стоны, полные ужаса. Когда она в последний раз глянет в его глаза своими зрачками, он положит ей на горло руки и будет давить...

– Ты придешь ко мне сегодня?

Они поцеловались в последний раз. Девочка закрыла за ним дверь, прислонилась спиной к косяку и улыбнулась.

Уже не в силах держать рукой свою бурлящую жажду, он вышел из-за лестницы и шагнул к ней, криво улыбаясь уголками мокрого рта. Девочка окаменела, слилась с косяком. Ее ногти, едва тронутые бесцветным лаком, стали крошиться об облицовку двери.

– Иди ко мне.

Сломавшийся ноготь вонзился в мякоть на пальце, но она не чувствовала боли. По косяку скользнула капля крови.

Он увидел это, сделал еще шаг к ней и зашипел языком в собственной слюне:

– Иди ко мне.

– Мама... – прошептала девочка, едва двигая губами, еще не остывшими от поцелуев.

Этот шепот растворился в ней самой.

Ночь длинна.

Глава 1

– Опять ужасы? – спросил Черников, разламывая булочку над пластиковым стаканчиком дымящегося кофе.

Он уже собирался поднести ее ко рту, но остановился на полпути.

– Ты к зеркалу сейчас подойди, – посоветовал Черников человеку, сидящему напротив, откусил и пробурчал с набитым ртом: – На добермана похож. После вязки.

Никитин с трудом выбрался из-за стола и подошел к зеркалу, висевшему на стене.

Черников был прав. Вид ни к черту. Красная от лежания на столе щека, взъерошенные волосы и глаза, еще не отошедшие ото сна. Такие же мутные, как и само кабинетное зеркало.

– Опять она?

Не отвечая, Никитин вернулся за стол.

– Что по делу Вирта? – глухо спросил он, пытаясь прийти в себя и бессмысленно перекладывая на столе бумаги.

– Саша, ты уже маму на ходу теряешь. Сначала отойди ото сна, потом и о делах поговорим. Булочку будешь? У меня их три.

– Что по делу Вирта? – упрямо повторил Никитин, окончательно стряхивая остатки кошмара.

Черников полез обеими пятернями в карманы пиджака за

сигаретами и блокнотом.

– Есть новости. Старушка напротив видела мужика в кожаной куртке, который в день убийства Андрея Вирта выходил из его квартиры.

– На момент осмотра я не заметил глазка на двери напротив.

– Я и не говорил, что соседка видела его в глазок. Она спускалась по лестнице от своей знакомой. Услышав, что у Виртов открылась дверь, она приостановилась и глянула, перегнувшись через перила. Из квартиры бизнесмена вышел мужик, осторожно прикрыл за собой дверь и, стараясь не топтать, спустился. Кофе оставь.

В ночь на 28 мая 2013 года в квартире известного бизнесмена Андрея Вирта было совершено убийство. Мать приехала к нему домой, чтобы поздравить с Днем пограничника. Бывшему стражу рубежей родины за неделю до упомянутого события стукнуло сорок, но мама обязательно поздравляла сына с праздником.

В семьях среднестатистических ветеранов погранвойск этот праздник заканчивается скромными поздравлениями и чмоканьями в щечку. Те, кто побесшабашнее, надевают на полысевшие головы зеленые дембельские фуражки, натягивают кители, которые скорее уже напоминают жилеты, и совершают броуновское движение по городу. От новогодних елок их отличает только то, что деревья не умеют пить и

драться с полицейскими.

Но у Виртов праздник погранвойск проходил совсем иначе. Это был лишний повод собраться за столом с норвежской семгой, олениной и губами лося и за рюмкой-другой «Хен-несси» потолковать за жизнь.

28 мая мама Андрея Викторовича Вирта, главы ОАО «Сибмас», пришла к нему в гости. Она шагнула в открытую входную дверь и потеряла сознание.

Андрей лежал на полу в луже собственной крови.

Была лишь одна деталь, которую при осмотре места происшествия не смогли заметить ни следователь, ни опера, ни эксперт. На нее обратил внимание лишь начальник убойного отдела Александр Никитин.

Девушку-следователя рвало желчью в ванной. Братва из районного отдела, посвистывая, рассматривала иконы шестнадцатого века, висящие на стенах шестикомнатной квартиры. Никитин подошел к столу, на котором стояли нетронутыми яства, приготовленные к празднику, и наклонился. За выступающим краем тарелки лежал маленький бесцветный камень.

Саша катнул его пальцем в свою сторону, поднял на уровень глаз и произнес:

– Перов, ты, кажется, хвастал, что у тебя дед ювелир?

у тебя дед ювелир?

– Бабушка описывает человека среднего роста, сорока-пятидесяти лет, волосы с проседью, глаза, говорит, то ли серые, то ли зеленые, коричневая куртка прямого покроя, под ней серый свитер, черные брюки. Все.

– Это все она рассмотрела, перегнувшись через перила? Сколько у нее было времени? Секунда?

– Я тоже заострил на этом внимание. Показалось, что старушка играет в полицейского Круза. Но она все объяснила. Оказывается, бабуля тридцать два года работала вахтером в женском общежитии. Сечешь? Она любого кобеля раз увидит и сто лет помнить будет.

Никитин вынул из кармана куртки камень, положил на стол.

– Что это? – поинтересовался Черников.

– Отвечаю: камень. Предугадывая последующие вопросы, объясняю: камень, по всей видимости, драгоценный. А раз так, то он обязательно должен быть алмазом. Я не геолог, но могу точно сказать, что прозрачный камень, находящийся в квартире криминального авторитета Вирта, может называться только алмазом.

Черников изумленно посмотрел на начальника и спросил:

– Когда это ты все рассмотрел?!

– Зато я не успел полюбоваться картинами, висящими на стенах, – многозначительно проговорил Никитин. – Кстати, по иконам и живописи выдали ориентировку в райотделы и в область?

– Выдали. Зато я не забираю вещдоки с места преступления.

– Это не вещдок. Я просто украл этот камень. Итак, что мы имеем на сегодняшний момент? Убийца, возможно, страдает психическими отклонениями. Это раз. Он ненавидел Вирта – два.

– Почему?

– Вдвойне неприятно слышать этот вопрос именно от тебя, учитывая обстоятельства. Напомнить картину в квартире Вирта? Такие увечья наносятся не в качестве самозащиты и не ради заказного убийства.

– Я имею в виду, что они могли поссориться за столом и...

– И кровожадный убийца разделал тело Вирта так же мастерски, как мясник тушу на рынке? Из-за чего же так можно поссориться? – Никитин посмотрел на часы. – Черт, к начальнику опаздываю!.. Боюсь, я переживу сейчас то же самое, что и Вирт! Слушай и записывай!

Черников завис над блокнотом, а Никитин, шагая по кабинету, рубил короткими негромкими фразами:

– Первое. Опросить жену Вирта на предмет опознания камня. Второе. Дать ориентировку по «нарисованному» соседкой мужику в коричневой куртке. Третье. Пошлешь Старикова по психиатрическим лечебницам. Пусть выяснит всех, кто выходил из них за последний месяц. Понимаешь, Серега, Вирта искать не нужно было. Он всегда держался на виду. Замочить его можно было в любой момент, а сдела-

ли это именно двадцать восьмого мая. Причем так, словно копили злобу сто пятьдесят лет! Понимаешь?! Значит, этот убийца не просто выжидал. Его что-то держало. Или кто-то... Четвертое. Пошлешь Саморукова в УИН. Пусть сделает выборку всех недавно освободившихся, кто был как-то связан с Виртом... Не перебивай! – остановил Никитин движение Черникова. – Знаю, что дурацкая задача. Но делать что-то нужно срочно. Потом будет поздно. И узнай, как там наша девочка-следователь себя чувствует.

Глава 2

Ночь длинна.

Мальчик вышел из дома, и его тут же окутала пелена утреннего тумана, пахнувшего георгинами. Он знал этот запах. Его девочка высаживала георгины около дома каждое лето на аккуратной клумбе, обложенной белыми кирпичами.

Он подошел и провел рукой по влажным цветам. Теперь все в его жизни будет по-другому. Так думают все, кто познал первую любовь, но не дошел до глубины истинной и последней.

Ночь длинна и тем притягательна. Под этой белой сонной луной, висящей на небе, уже начинающем светлеть, можно успеть многое.

Из клумбы георгинов, словно узник из цепей, с шумом выбилась птица и, громко хлопая крыльями, унеслась прочь. Мальчик почувствовал, как по его спине, теплой после постели, волной пробежала омерзительно холодная волна страха. Все было неожиданно, а потому шокировало.

Волна застыла где-то в затылке натянутой резиной.

«Не бойся, ты же мужчина», – вспомнил он слова отца.

Резина стала расслабляться и вскоре безвольно повисла, как тряпка.

«Впереди темно», – подумал он, приказал сам себе не бояться и сделал шаг по тропинке, почти черной на фоне се-

рого окружения.

Мальчик шел домой.

Через несколько шагов он глухо вскрикнул и схватился за лицо. Ветка, свисающая над самой тропинкой, стала на его пути. Чувствуя на руке кровь, мальчик поспешил домой.

Грязный, отвратительно пахнувший человек в плаще, перепачканном спермой, повалил девочку на пол в прихожей.

От его дыхания ее стошнило, но он не давал ей повернуться на бок, разорвал на девочке майку и, скуля, стал ронять ей на грудь капли слюны.

Она задыхалась, пытаясь повернуться, чтобы не захлебнуться, выбивалась из сил, но он держал ее и бешеными, почти желтыми гепатитными глазами пожирал грудь.

Девочка захлебывалась, но в неполных пятнадцать трудно понять, что так приходит смерть. Она дергалась, стараясь освободить свои тридцать восемь килограммов из-под этой гнетущей кучи падали, но не продвигалась ни на сантиметр.

Повизгивая от восторга, он пытался хоть что-то сделать свободной рукой со своим членом. Глядя в стекленеющие глаза девочки, маньяк добился лишь падения очередной порции слизи в свою грязную ладонь с узловатыми пальцами. Он мог насладиться лишь этим, но не превратить девочку в женщину. По той простой причине, что для этого нужен мужчина.

Стараясь не терять ни капли секундного оргазма, и без

того уходящего, он впился в обнаженную маленькую грудь зубами. Лишь почувствовав во рту вкус железа, садист, продолжая рычать, скатился с девочки и задышал как подышающая лошадь, редко и шумно.

Мальчик уже подходил к дому, а в прихожей дома родителей девочки грязный человек в плаще достал из кармана складной нож.

В шесть часов в деревне напротив, через речку, включали громкоговоритель. Первые звуки гимна страны возвещали о том, что наступил новый день. Но радио молчало, значит, шести еще не было.

Внезапно мальчик услышал торопливые, неровные шаги. По тропинке кто-то двигался.

Мальчик уже час как был дома. Он вышел во двор, чтобы полить цветы. День обещал быть жарким, и земля должна была принять воду до восхода солнца.

По тропинке шел человек в сером плаще. Мальчик никогда не видел его в городке. Очевидно, это был чей-то гость, стремящийся уехать на той же электричке, на которой придут его родители. На шесть семнадцать.

Мальчик сделал шаг к калитке и зацепил ногой металлическую лейку. Она, звякнув, упала на бок.

Человек резко обернулся.

Этой секунды хватило мальчику на то, чтобы понять одну простую вещь. Уверенный в себе, спокойный человек всегда

смотрит в глаза. Трус и зверь отведет взгляд.

Сейчас мальчик знал наверняка: человек в мятом плаще боялся.

В деревне, что через речку, хрипло затрещал, заработал громкоговоритель. По радио зазвучал гимн страны.

Мальчик вернулся в дом и подошел к зеркалу. На него смотрел крепкий для своих лет подросток с пластырем на правой брови.

«Папа обязательно спросит, откуда это, – подумалось ему. – Скажу, что ударился об косяк».

Он не хотел выдавать их с девочкой тайну.

Черников вывел «Тойоту» из гаража и стал медленно пробираться между домов. Он ехал к жене, точнее сказать, к вдове Андрея Вирта. В его кармане лежал камень. Откуда он взялся в квартире покойного? Как бриллиант мог быть связан с его смертью? Теперь на эти вопросы предстояло ответить этой женщине.

Он по привычке оставил машину у соседнего дома, бодрым шагом подошел к подъезду и у самой двери замедлил шаг. На лавочке рядом сидели самые желанные источники информации для любого опера – бабушки. Если их разговорить, то можно стать обладателем такого количества информации, какое не содержит ни одна энциклопедия. Весь смысл в том, чтобы потом просеять ее, вычленив сообщения о погоде, пенсии, резком скачке цен на молоко и выкинуть их из

головы. В итоге останутся три-четыре фразы в виде текста телеграммы, ровно половина из которых никоим образом не будет иметь отношения к делу. Но одна-две очень часто играют решающую роль.

Черников, покручивая на пальце ключи от машины, быстро осмотрел старушек, убедился в том, что ни одна из них не видела его сутки назад на осмотре, присел на лавку напротив и закурил. Сейчас было глупо задавать бабушкам вопросы, так как с момента обнаружения трупа Вирта разговоры шли только об этом. Оставалось слушать. На всякий случай он посмотрел на часы и успокоился. В его распоряжении было еще около полутора часов. А бабки, естественно, все до единой были главными свидетельницами убийства. Если они кого-то и не видели, то только убийцу. Впрочем, у каждой на сей счет была своя версия.

– Надеждины дружки и пришили муженька, – говорила одна. – Мыслимое ли дело по девкам мотаться!..

– Да и она еще та шалава, – возразила другая. – Андрей как уедет по командировкам, так она и давай мужиков в дом таскать. Ни стыда у бабы, ни совести.

– Знаем мы его командировки. За три дня до беды приехал, ага! В этом – как его?.. – микроавтобусе, с мужиками такими же беспутными, с десятком баб приволок. Я-то видела из окна!

Черников поерзал на лавке. За сексуальные подвиги мужа по ту сторону баррикады жена вырежет ему не глаза, а совсем

другое. Пока он терял время.

– А может, это Надька его жизни лишила?

«Вот это уже версия, – подумал Сергей. – Только Надька вряд ли смогла бы справиться со своим стокилограммовым мужем».

– Нет, – возразила старушка, молчавшая до сих пор.

Она сидела, положив руки на костыль, и задумчиво глядела куда-то вдаль.

– Надежда здесь ни при чем. И дружки ее тоже. Это за Аллу ему смерть пришла.

Черников насторожился.

– Что за Алла? – довольно бесцеремонно, как и положено таким персонам, спросила одна представительница старушечьего «домового комитета». – И чего ж ты, Петровна, слухивым ничего не сказала?

– Некогда мне, – вдруг заявила старушка с костылем и медленно поднялась. – Недосуг. Зять с дочкой должны скоро приехать. Пойду приберусь.

«Зять с дочкой, – отметил про себя Черников. – Не дочка с зятем, что было бы логичнее для матери, а именно зять с дочкой. Значит, уважает мужиков старая. Но, судя по виду, – только настоящих. Уж больно строга».

Он шагнул в подъезд за ней.

– Вам помочь? – скорее искренне, нежели из-за повода завязать разговор, предложил Сергей.

– Помоги, коли добрый человек.

– Помоги, коли добрый человек.

– Я добрый, – подтвердил Черников, помогая старушке преодолевать ступени. – Я... адвокат. Да, адвокат.

Опираясь на его руку, старушка прошла еще один пролет и тихо произнесла:

– Адвокат!.. Да от тебя дежурной частью за версту несет.

– Как это? – изумился Черников и даже потянул носом.

– Вот-вот! – подтвердила бабушка. – Даже нюхаешь как собака легавая. Мент ты.

Черников замер, остановилась и старушка.

– Ну, мент, – согласился Черников. – Это что, плохо? Хуже, чем бандит?

– А сейчас не поймешь, кто мент, кто бандит. Ты давай веди меня, коли вызвался! Что встал как вкопанный? И не тяни носом как пылесос. Одеколоном не от меня, а от тебя пахнет. По Вирту пришел? Пошли ко мне, поговорим.

– К вам же зять с дочкой должны приехать? – спросил Сергей, чувствуя, как впереди, на правильно выбранной им дороге, начинает мелькать огонек.

Старушка открыла дверь, забрала у Черникова костыль и проворчала:

– Месяц уже, окаянные, не едут. И один бог знает, когда соизволят.

Квартирка, несмотря на скромность обстановки, была чи-

стой и ухоженной. В углу – непременно лампада с рушником и пара икон.

«Одна старая, вторая – из нынешних, церковных, по сто рублей, – мгновенно определил Сергей. – «Троеручица» середины девятнадцатого века и «Владимирская», купленная в местной церкви, не иначе».

– Ты кто у нас будешь, мил человек? – спросила старушка, занося в комнату из кухни чайный набор.

– В отделе по раскрытию убийств работаю, мать, – признался Черников.

– Вот так-то лучше. А то – адвокат!.. Ну а меня Клавдией Петровной Мыскиной зови. А позвала я тебя на улице вот зачем...

– Как это позвали? – не понял Черников.

– Я вас, ментов, за километр чувствую. Знала, что за мной попрешься. Поэтому и сказала про Аллу. А нет никакой Аллы... Не в том дело.

– Что-то больно обидные слова вы говорите, мамаша! – заявил Черников. – Мент, мент... Я – сотрудник полиции.

– Нет, ты – мент, – упрямо возразила бабка, наливая в чашки дымящийся чай. – Причем непременно поганый. Как и все вы. Моего мужа да сына по тюрьмам и лагерям замотали до гробовой доски.

«Ах, вон оно что, – догадался Черников. – Сейчас старая опойт меня зельем да шархнет дореволюционным утюгом по башке. Таким будет итог моей оперативно-разыскной де-

тельности. В некрологе напишут, мол, геройски погиб при выполнении служебного долга. Тьфу!...»

– Ну, я-то, предположим, здесь ни при чем.

– Все вы при чем. Из одного помета.

– Мать, я очень занятой человек. – Черников устал от этого бессмысленного разговора. – Если вы хотели со мной поговорить, то начинайте.

Глава 3

Опер убойного отдела Игорь Стариков возвращался из центральной психиатрической лечебницы в подавленном состоянии духа. Когда Черников передал ему распоряжение Никитина отработать все психушки в городе на предмет выявления связи между Виртом и убийцей со сдвигом по фазе, Игорь сразу четко и бесповоротно понял, что все лучшее всегда достается ему. Таковы уж были традиции, сложившиеся в отделе.

Решив зря не бить лапы, он поехал туда, где хранится информация обо всех психах, поступивших, содержащихся и отпущенных, то есть в ЦПЛ. Там он представился, объяснил цель визита и был препровожден во временно пустующий кабинет психолога. Поиск необходимой информации у главврача должен был занять добрых полчаса, и Стариков по профессиональной привычке, лишь усиливающейся с годами, незаметно прощмонал все ящики стола на предмет обнаружения криминала – какого именно, он сам не знал – пошарил руками под столешницей и наконец успокоился.

В дверь вошел мужик лет сорока в пижаме и, ни слова не говоря, сел на стул по другую сторону стола. Стариков молча смотрел на него, не выпуская сигареты. Он понял, что перед ним стационарный пациент, и на всякий случай скользнул взглядом по столешнице на предмет обнаружения шила,

ножниц или совдеповского килограммового дырокола. Опер убедился в том, что единственным оружием, которым псих мог нанести ему увечье, были две скрепки в канцелярском наборе. Больше ничего опасного видно не было.

Бросив на Старикова виноватый взгляд, мужик в пижаме плаксиво проскрипел:

– Она меня не любит.

– Кто?

– Я понимаю, доктор, что отрываю вас от дел, – быстро заговорил мужик, посмотрев на сигарету в руке Старикова. – Но от этого зависит моя судьба! Вы должны помочь мне повлиять на нее. Она загубит свою и без того разбитую жизнь.

Стариков молчал.

– Вы поможете мне?

– Понимаете, в чем дело. Я не тот, за кого вы меня...

– Ерунда! – решительно отрезал мужик. – Вы скромны, как и всякий специалист своего дела. Нам с вами приходится скрывать свое истинное лицо среди всей этой бездарности. Меня заставляют пить таблетки! А вы знаете, что я с ними делаю? Когда сестра уходит, я вытаскиваю их изо рта и отдаю соседу по палате! Он ест все! Я вам говорю это, потому что вы не похожи ни на одного из этих врачей. Так вы поможете мне?

– В чем?..

– Убедить Марианну.

– Какую Марианну?

– Из соседнего блока. Мы решили пожениться, но в последний момент она заявила, что желает венчаться в церкви.

– Ну, в общем-то, люди только там и венчаются, – промямлил Стариков.

– Бред. Батюшка сможет обвенчать нас здесь. Вы дадите нам благословение?

– Во имя отца и сына.

– Спасибо! – горячо проговорил пациент, внезапно подмигнул Старикову и бросил взгляд себе через плечо. – Вам воздастся! Ищущий да обрящет.

Он вышел из кабинета.

Внезапно просветлевший взгляд мужика и его последние слова будто прибили Игоря к стулу. Его попытку понять, что произошло, пресек главврач, занесший в кабинет несколько пухлых папок.

Он положил их на стол перед Стариковым и поинтересовался:

– Что здесь делал Русенков?

Секунду помедлив, Игорь объяснил:

– Странный тип. Зашел в кабинет и стал разговаривать со мной как с доктором.

– Просил обвенчать? – Главврач улыбнулся, доставая сигареты из кармана халата.

– Точно. А вы откуда знаете?

– Он здесь три месяца. Его жена погибла под поездом у него на глазах. Страшная вещь. Тут же нервный срыв – и к

нам. Иногда появляются периоды просветления, но ненадолго. – Доктор выпустил струю дыма. – Жена все просила его обвенчаться в церкви, да так и не... Вот то, что вы искали. Здесь три дела бывших пациентов. Отпущены под присмотр родственников, соответственно, второго, семнадцатого и девятнадцатого мая. Вас, как я понимаю, интересует вероятный убийца?

Осторожный Стариков промолчал, и врач расценил это как норму.

– Если так, то одного из троих придется исключить. Ему семьдесят лет. Дочь с мужем увезли его на кресле-каталке. Крученков и Марин, впрочем, тихие больные с вяло текущей шизофренией. Им лень муху от лица прогнать. Это то, что я могу сказать без малопонятной вам медицинской терминологии. Мое мнение как врача – ваши поиски в этом направлении безрезультатны. Чем могу еще помочь?

Больше помочь было нечем. Стариков отксерокопировал на всякий случай все три карточки с установочными данными пациентов, вернул дела главврачу, попрощался, попросил не провожать его и вышел из кабинета. Не пройдя и десятка шагов, он вернулся.

Врач удивленно вскинул брови и осведомился:

– Что-нибудь забыли?

– Я хотел спросить. Скажите, доктор, где работал Русенков, перед тем как случилось... в общем, прежде чем попал к вам?

Главврач раздавил в пепельнице сигарету, прищурился, усмехнулся и заявил:

– Не все в полиции пьют водку, оказывается. Это ваш бывший коллега, Игорь Алексеевич. Русенков работал в уголовном розыске Мурманска.

– Почему вы сразу не сказали?

– А вы спрашивали? Могу вас заверить, общих тем вам уже не найти.

Уже выходя из ворот лечебницы, Стариков почувствовал на спине чей-то взгляд. Он резко обернулся и успел рассмотреть за упавшей занавеской лицо больного по фамилии Русенков.

– Ну так что? – вопрошал Никитин, усаживаясь в свое кресло. – Что мы имеем?

Данный вопрос уже вошел в повседневную обиходную речь в отделе. Это означало, что ничего в этом мире не меняется. Убийства совершались вчера и будут происходить завтра. Их станут ежедневно раскрывать люди, призванные для этого. Жизнь продолжается. Чтобы она тянулась как можно дольше, в кабинете Никитина звучал и будет звучать этот вопрос.

«Что мы имеем?» – спрашивал капитан, стоя над трупом, да и потом еще в течение длительного времени. До того момента, пока убийца не будет найден и не поступит сигнал о том, что опять кто-то отошел от трупа, унося с собой запах

крови.

– Сергей, что у тебя? – спросил Никитин, дождавшись, пока будут прикурены все сигареты и раскрыты блокноты присутствующих.

Черников поерзал на стуле, обдумывая, с чего начать. Он прикуривал дольше и старательнее всех.

– Интересная складывается ситуация.

– Это я понял, увидев Вирта, – мягко перебил его Александр. – Жена опознала камень?

– Жена – нет.

– Ты не тяни кота за хвост, – вклинился Саморуков, самый молодой и энергичный опер в отделе Никитина. – Давай быстрее, есть хочется. Обед через полчаса.

– Услышал я тут одну очень интересную историю, – начал Черников. – Дело было как раз в день убийства нашего незабвенного Вирта. Только случилось это не между семнадцатью и восемнадцатью часами, как утверждают эксперты, а часом раньше...

– Сергей!.. – перебил Черникова Никитин, глянув на часы. – Что я в тебе ценю, так это умение выделять главное из моря подробностей.

– Тут главное понять все с самого начала! – воскликнул Черников.

– Есть охота, – напомнил Саморуков.

– Так вот, значит, старуха, с которой я познакомился сегодня, в день убийства Вирта сидела дома...

Клавдия Петровна бросила взгляд на настенные часы. Странно, но когда был жив муж, они ломались чуть ли не каждый месяц, тогда он садился за стол и долго их чинил. Это было своеобразной неотъемлемой частью их медленной, спокойной жизни. Но лишь костлявая забрала мужа к себе, и часы словно ожили. Они тикали, и ничто не нарушало их ход, словно сам металлический механизм понимал, что отремонтировать его больше некому. Часы да она – вот все, что осталось от семьи, которая распалась в далеком пятьдесят четвертом году, когда они с дедом, тогда еще молодым и крепким мужиком, уехали на Север, оставив новорожденного сына в приюте.

Сейчас часы показывали без четверти четыре. Клавдия Петровна глянула в окно. Соседки уже около двух часов сидели на лавочке и не собирались расходиться. Вздохнув еще раз, старушка взяла с кухонного стола ключи и направилась к выходу. Может, зять с дочкой приедут и она встретит их на улице?

Заперев дверь на один замок – кому нужно ветхое барахло увядающей старухи! – Клавдия Петровна стала спускаться вниз. Это всегда доставляло ей кучу хлопот. Лифт капризничал как пьяный слесарь. Хочу – работаю, не хочу – не работаю. Находясь в квартире, она за четыре часа ни разу не услышала, как натянулись, громыхнув, тросы. Значит, можно не утруждать себя, не нажимать кнопку. Потеря времени.

Ковыляя между вторым и третьим этажом, она услышала, как хлопнула входная дверь. Кто-то вошел в подъезд, но шагов не было слышно. Удивленная старушка даже остановилась, потом чуть прошла вперед, уже почти добралась до почтовых ящиков и с замиранием сердца услышала шорох за трубой мусоропровода.

Медленно ступая по ступеням, Клавдия Петровна скосила взгляд в сторону шахты. Из-за трубы торчала пола куртки. Она подрагивала, словно хозяин ее находился в треморе. Так дрожит кошка, перед тем как кинуться на воробья.

«Бомжи проклятые!.. – стараясь отогнать от себя страх, подумала Клавдия Петровна. – Что здесь-то ему нужно?»

Она уже проходила мимо шахты, и ее слух, не слабеющий с годами, уловил дыхание, едва различимое в тишине подъезда. В нем было что-то настолько отталкивающее, что старушка собралась с силами и постаралась побыстрее спуститься вниз. Лишь вдохнув полной грудью уличный воздух, она успокоилась и почти сразу забыла о своем не очень приятном спуске с лестницы.

Клавдия Петровна вспомнила об этом через десять минут, когда удачно вклинилась в разговор со старушками, сидевшими у подъезда, и вновь увидела эту куртку.

Распахнулась дверь подъезда, и из нее вышел человек. Воротник его куртки был поднят.

Клавдия Петровна, повывавшая на своем длинном веку всякое, почувствовала, как ее обдало морозом. Не поднимая

с колена руки, она перекрестилась на уровне живота.

На нее глянули мутные глаза. Их цвет определить было невозможно – лишь желтый ядовитый белок и черный зрачок, расширенный до предела. Человек лишь провел взглядом по Клавдии Петровне, но она мгновенно почувствовала тяжесть внизу живота и холод на сердце.

– Клава, что с тобой? – озабоченно закудаhtала старушка, сидящая напротив. – Маша, ну-ка, достань немедленно нитроглицерину!

Клавдия Петровна отмахнулась, встала и сказала:

– Должно, давление. Пойду до дому.

Подъем занял в два раза больше времени, чем спуск. Уже подходя к своей квартире, она различила то, чего не слышала, когда спускалась. На лестничной площадке едва слышно звучала музыка. Это означало, что дверь какой-то квартиры не прикрыта.

Любопытство перебороло страх.

Любопытство перебороло страх. Клавдия Петровна поднялась на этаж выше своей квартиры и с удивлением обнаружила, что приоткрыта дверь, за которой жил ее бесшабашный сосед Андрей Вирт. Гости в его квартире не переводились так же, как тараканы в хрущевке. Было удивительно другое. Дверь не заперта, а внутри, не считая музыки, которая, кстати, смолкла к моменту подъема старушки на этаж,

стояла тишина.

И она вошла...

Клавдия Петровна не помнила, как добралась до своей квартиры, легла на диван и взяла в руку телефонную трубку. Очнувшись, она так и не смогла восстановить хронологию событий. Перед ее глазами, смешиваясь одна с другой, стояли две картины: истерзанный труп соседа и грязная куртка, исчезающая за углом дома. Посредине этого страшного импрессионистского наброска горели глаза, отливающие тухлым яичным желтком.

– Выходит, старая видела убийцу, не так ли? – подытожил рассказ Черникова Стариков.

– Этого никто не говорил, – возразил Никитин. – Она заметила лишь мужика, облик которого пошатнул ее нервную систему. Из этого не следует, что он – убийца, и нам надо главным принципом розыска избрать желтые глаза и серый плащ.

– Я про плащ вообще ничего не слышал, – заметил Черников.

– Стоп, ребята, – как всегда к месту вмешался в разговор Никитин. – Но эксперты уверяют, что смерть наступила не ранее семнадцати часов. Как я понял из твоего рассказа, старушка видела труп что-то около шестнадцати? Не в цвет тема.

– В том-то и заключается самое хреновое. – Черников по-

ерзал на стуле. – Когда Клавдия Петровна видела Вирта, он был еще жив. Кто-то обработал его так мастерски, что тот мучился еще около часа. Это не убийство, товарищи оперуполномоченные. Если верить нашему Уголовному кодексу, то налицо причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Смешно, правда?

– Нет, не смешно. – Никитин вздохнул и полез в карман за сигаретой. – Все равно это будет квалифицировано как убийство. Бабке никто не поверит, а телу Вирта – да. Однако я вас поздравляю. Последнего маньяка в области задержали пять лет назад. С почином!.. А откуда вообще взялся в доме этот Вирт? Соседи что говорят?

– Перед самой смертью мужа Клавдии Петровны поселился к ним какой-то тип. Молодой, лет тридцать пять. Жизни своей не скрывал. Жены дома нет – он туда с бабами. Потом стало наоборот. Видимо, супружнице его надоело на это непотребство смотреть. Он где-то – теперь она мужика в дом. Несколько раз друг друга ловили на горячем, били об головы посуду, но почему-то жили вместе. Видно, что-то их держало.

– Интересное кино получается.

– Интересное кино получается. – Никитин до конца выслушал эту историю, но что-то в ней не вязалось воедино. Либо Черников чего-то недосказал, позабыл, либо он сам

что-то пропустил.

Молчал начальник долго.

– Что по камню?

Притухший было Черников снова ожил.

– А вот по камню все гораздо интересней! Камень старый. – Он услышал смех Старикова и пояснил: – Я имею в виду не возраст алмаза, конечно, а время его огранки. Сейчас так камни не гранят. Я был у мужика одного, который антиквариатом на Луговой заведует. Так он в свой «глаз» зыркнул на бриллиант, капнул чего-то и с ходу мне предложил пятьдесят тонн зеленых. Я чуть не продал.

– Не понял. – Никитин поморщился. – Объясни.

Сергей вынул из кармана камешек и положил на стол перед сослуживцами.

– Вот и я не понял, пока он мне не объяснил. Так алмазы гранили лет сто назад. Сейчас другие технологии и методы. Камень явно из коллекции чьего-то прадедушки. Начало двадцатого века.

– Да, черт!.. – Никитин удивленно усмехнулся и положил камень в карман. – Это и на самом деле интересно. А вдова не объяснила наличие бриллианта в квартире?

– Если это можно назвать объяснением. Первый раз, говорит, вижу.

Разослав подчиненных, Никитин остался наедине с Черниковым.

– Сергей, я тебя хотел попросить...

– Говори.

– Я сейчас пойду выбивать командировку в Москву. Попробую связаться с МУРом по поводу этого Тимофея Макеева. Я тебе о нем рассказывал. А ты мне напиши какую-нибудь бумажку по нему, чтобы было чем перед генералом мотивировать. Подробно ничего излагать не нужно. Просто придумай что-нибудь, чему можно поверить. Вечером еще поговорим.

– Ты об этом хотел попросить?

– Нет... В восемьдесят четвертом году в поселке Арманский была зверски убита девочка. Начальник того отдела, наверное, давно на пенсии. Найди его и оперов, которые работали по этому делу. В общем, Серега, расспроси их как следует.

Черников некоторое время смотрел на начальника, потом ответил:

– Хорошо. Сделаю.

Никитин посмотрел другу в глаза.

– Пора заканчивать с этим.

Черников долго молчал, а потом осведомился:

– С чем, Саша?

– С тем, о чем я постоянно вспоминаю, ни разу этого не видел.

Глава 4

Сторож базы допил полстакана водки, оставшиеся в бутылке после бдительного дежурства, закусил подсохшим огурцом и вышел на свежий воздух. Почувствовав беспокойство в виде тянущих позывов в самом низу живота, он свернул за дальний от входа склад, расстегнул брюки и прицелился в куст сибирской конопли. Процесс облегчения застопорился на полпути, когда мутный глаз сторожа рассмотрел босую, перепачканную кровью человеческую ступню. Впопыхах окропив обе брючины, сторож развернулся и бросился в строительный вагончик. Там стоял телефон.

Сторож начал соображать в рациональном ключе только тогда, когда схватил трубку и набрал 02.

«А что ты делал, сторож хренов, когда на охраняемой тобой территории резали человека?!» – прогремел воображаемый вопрос.

«А на хера нам нужен такой сторож, из-за которого у нас с ментами рамсы начинаются?!» – протрубил бас Пети Самарского, хозяина всех складов.

«Стоп, – сказал сам себе сторож и покосился на опустошенную бутылку. – А не показалось ли мне чего?»

К складу он приближался очень медленно, словно боясь разбудить того, кто уже никогда не проснется. Каждый сторож в душе трус, если рядом нет телефона. Он никогда не

пойдет на подвиг, если не имеет ружья.

Человеческая нога не исчезла, не испарилась. Она продолжала светлеть на фоне земли и серых кустов конопли.

Сторож сделал еще шаг и обомлел.

Прямо перед ним, на грязной земле, залитой за годы существования базы мочой сторожей и грузчиков, лежала обнаженная девочка тринадцати-четырнадцати лет. Ее длинные светлые волосы кровавыми клоками были словно ветром отброшены в стороны, открывая чудовищные раны и увечья.

Окаменевший и в мгновение ока протрезвевший сторож машинально перевел взгляд на лицо девочки, и его рот искажился в судороге.

У девочки не было лица. Содранная кожа, отрезанные нос и губы...

Сторож, пятясь, зацепился ногой за ржавый обод автомобильного колеса и рухнул на землю, не сводя остекленевших от ужаса глаз с девочки.

Ему в лицо смотрели пустые, окровавленные глазницы.

– Никитин здесь? – спросил Черников, едва успев войти в кабинет.

– Нет. Да и рано еще. Тебя тоже подняли? – Игорь сидел за столом и курил сигарету.

– А звонили ему? – не унимался Черников.

– Звонили, он едет.

– Ты на месте уже был? – Черников, казалось, состоял из

одних вопросов.

– Тебя жду. Готов? – Стариков задержал руку с сигаретой над пепельницей.

– Поехали.

Игорь уверенно воткнул окурок в хрусталь и поднялся.

Через десять минут оба были у строительного вагончика.

Чуть поодаль толпилась толпа зевак. Черников окинул взглядом этих любопытных типов. Два мужика, один из них, кажется, пьяный, парень, мужчина в черной рубашке, еще двое в строительных робах с какими-то эмблемами на куртках...

– Кто обнаружил труп? – спросил Никитин Старикова, рассматривая тело и что-то чиркая в своем блокноте.

– Сторож. В пять утра.

– Следственный комитет уже в пути?

– Да, – ответил Саморуков, подошедший со спины Никитина. – Минут через десять будут на месте. Районная группа на заявку прилетела и сразу сориентировалась. Они отзвонились в ГУВД и комитет.

– Сторожа сюда приведи.

Через тридцать секунд данный персонаж, благоухающий спиртным, появился перед начальником отдела.

– Я как шум услышал, сразу бегом к складу номер восемнадцать! – без предисловий заговорил он. – Сначала подумал, что опять мальчишки двери ломают. Там шоколад хранится. А потом крики раздались. Я еще быстрее. Подбегаю

– поздно! Как увидел, что творится, ринулся звонить в полицию.

– Не убегался, спринтер?

– Чего? – не понял сторож.

– Я спрашиваю, не утомился всю ночь бегать? – надавил

Никитин, глядя прямо в глаза сторожу.

Саморуков и Стариков, подперев плечами противоположные стены вагончика, понимающе молчали.

– Я честно говорю. – Сторож пожал плечами.

– Ты свое «честно» к заднице прибей и всем, не считая меня, показывай. Кровь на трупe уже черная, засохшая, а это говорит о том, что смерть наступила вообще часов десять назад. На теле уже трупные пятна проступают, а ты меня тут фуфлом кормишь. Может, тебя встряхнуть немножко для просветления памяти? Какие ты тут крики два часа назад мог слышать, алкаш?

Сторож уже был твердо уверен в том, что переборщил с показаниями.

– Женские...

– Так. – Никитин повернулся к выходу и заявил: – Вот этих двоих сотрудников я стараюсь не оставлять наедине с людьми. Это всегда заканчивается печально для тех бедолаг. Но раз разговор не клеится...

– Ошибся я, наверное!

– Так. – Саша снова развернулся к сторожу.

– По нужде захотелось в пять часов, пошел к складу, а

там...

Никитин посмотрел на покрасневшего Старикова, а сторож проямлил:

– В общем, наврал я. Боялся, что с работы выгонят. Меня посадят за дачу ложных показаний?

– Как на базу еще можно проникнуть, если не через центральный вход? Окажешь помощь следствию, замолвлю за тебя словечко перед генеральным прокурором.

– Пошли, покажу!..

Черников в течение всего дня регулярно отзванивался Никитину и сообщал, что он находится то в архиве УВД, то в картотеке УИН, то почему-то на квартире доктора исторических наук Муромова, о котором начальник не имел совершенно никакого представления. Приехал он лишь к пяти вечера. На нем кипела рубашка. Черников безостановочно обмахивался промокшим насквозь носовым платком.

Он рухнул на стул в кабинете Никитина, жестом фокусника бросил перед собой истрепанный ежедневник и заявил:

– Пивка бы сейчас. С литр!

Саша пронизывал друга взглядом, пытаясь понять, удался трюк с архивом или нет.

– Не томи. – Эти слова прозвучали как угроза.

– Пива, говорю, хочу. Пойдем, Никитин, в парк, по бутылочке зальем? А еще лучше – на розлив. Ты любишь, Никитин, пиво на розлив?

Александр молча поднялся, проверил наличие бумажника и взял со стола ключи.

– Да я и сам предложить хотел. В центральном пиво лучше, а в том, что за управой, народу меньше. Так куда?

– А мы возьмем в центральном, перейдем дорогу и там, за управой, будем почти в одиночестве пить хорошее пиво.

– Под окном начальника ГУВД в десять часов утра!..

– Первый раз прятаться, что ли?

Здесь никто не мусорил.

Через полчаса два офицера полиции сидели под деревом, в пятидесяти метрах от стены управы с бутылками пива в руках. Небольшая лужайка среди кустарника за зданием ГУВД являлась самой экологически чистой зоной в городе. Здесь никто не мусорил. В этих местах Никитин с Черниковым иногда размышляли о существовании бытия за бутылочкой пива.

– Ну так что с архивом? – напомнил терпеливый Александр.

– Слушай. – Черников открыл бутылку ключом от кабинета. – А почему ты решил архив проверить?

Никитин почувствовал, как у него снова теплеют ладони.

– Накопал что-то?

– Накопал? – Сергей приложился к бутылке и в три глотка ополовинил ее. – Кха!.. Накопал... Мать-перемать, когда я тебе скажу, что накопал, ты рассудок потеряешь!.. Что-то

Пивко теплое, нет?

Глава 5

Буквально за час до приезда Черникова из кабинета Никитина вышла молоденькая девушка, сотрудница следственного комитета. Вряд ли она предполагала, закончив юрфак, что ей ежедневно придется описывать и переворачивать с боку на бок трупы, пахнущие кровью и нечистотами, допрашивать людей, превративших живую плоть в мертвую, и в ответ на вопрос: «Почему вы это совершили?» – слышать: «Черт его знает, так получилось». Однако кабинетная работа – не для следователя комитета.

Понимая все это, Никитин пошел на хитрость.

– Алло, здравствуйте! Следователя Бородулину можно пригласить к телефону? А, это вы?! Извините, не узнал. Я вот по какому поводу... Вы в ГУВД когда собираетесь? Сегодня? Замечательно! А я вот из кабинета вырваться не могу. Может, зайдете на пару минут, когда приедете? Вот и отлично! Я вас жду.

Этот разговор был утром, а в три часа дня Бородулина была у Никитина.

Поговорив о перспективах раскрытия и о том, стоило ли объединять в единое производство дела об убийстве Вирта и пока неустановленной девочки в одно, как это велел сделать начальник комитета, Александр перешел к сути, зачем, собственно, и добивался встречи:

– Виктория, вам нравится то, чем вы занимаетесь? Я спрашиваю так потому, что знаю: самое трудное – это начать. Следователями, как и оперативниками, не рождаются. Ими становятся. То, что они переживут на первых порах, отложится у них в головах на всю последующую жизнь. Вам, конечно, легче было бы, если бы пришлось расследовать дело о взятках или, скажем, о превышении кем-нибудь своих служебных полномочий. Потом, понемногу набирая опыт, перейти к более сложным в физическом и психологическом плане делам. Но получилось вот так. Первое ваше дело касается маньяка. Вы уверены, что справитесь?

– Да, – взглянув в глаза Никитину, ответила девушка.

Ему это понравилось. Люди, смотрящие в глаза, уверены в себе. Нет, они не самоуверенные. Между двумя этими понятиями лежит пропасть.

– Вика, будут еще смерти. Я уверен в этом. Если мы станем... – он чуть было не сказал, забывшись, «блевать в ванную», но вовремя спохватился: – Да, сидеть сложа руки. От вашего профессионализма зависит половина успеха всей общей работы. Если в нашей цепи выпадет по любым причинам хоть одно звено, то будет беда. Если вы чувствуете, что не справитесь, я найду выход на начальника комитета. Я смогу убедить его в том, чтобы отдать дела более опытному следователю.

– Я справлюсь, – неожиданно для Саши перебила его Виктория.

– Тогда мы партнеры, не так ли? – Никитин улыбнулся и протянул ей руку.

– Партнеры! – Она обрадовалась, пошла к выходу, но остановилась у двери. – Скажите как опер. Установлено, что смерть девочки наступила около девяти часов вечера. Какой смысл был перетаскивать тело через забор ночью и подбрасывать его на базу? Ведь это огромный риск. Обычно психи оставляют жертву на месте преступления. Человек без отклонений не будет так уродовать тело. Почему же он стал перемещать труп? Значит, у него есть какой-то мотив?

Никитин внимательно посмотрел на девушку. Кажется, она действительно справится.

– Что же ты мне такого расскажешь? – настороженно глядя на приятеля, спросил Никитин.

Его только что открытая бутылка еще дымилась пивными парами, но он про нее, казалось, забыл.

Черников старательно допил пиво, катнул бутылку, как шар боулинга, в куст и достал сигарету.

– Я буду краток. Сорок камней весом по три карата каждый из коллекции графа Муромова исчезли в неустановленном направлении в вихре революционных преобразований начала столетия. Таким же неустановленным путем указанные камни обнаруживаются в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году в коллекции одного из антикваров Харькова. После того как сотрудники местного уголовного розыска по-

лучают на эту тему оперативную информацию, камни вновь исчезают. В квартире антиквара совершена форменная высококвалифицированная кража. Опера не успели буквально на пару часов. Понятно, что антиквар молчит как рыба. В семьдесят восьмом году сообщить о том, что у тебя отобрали алмазы, – безумие. Можно было намотать срок самому себе. Но информация пролетела, и опера начинают отработку. Все держится только на словах, без официальных заявлений, поэтому оперативный интерес сыскарей в этом направлении начинает угасать. С тех пор известны лишь две вещи. Камни были – раз. Второе – к разбою причастен некто Степной, в то время гастролер без определенного места жительства. В ИЦ есть сведения, что существует законник с таким погонялом, но где он и чем живет сейчас, если еще не помер, – неизвестно.

Никитин сидел спокойно. Информация Черникова не несла в себе ни сенсации, ни подсказки. Просто всплыла история камней – не более того. Что тут удивительного? Раз есть камни, значит, должна быть и их история. Он продолжал молчать, придерживаясь своего старого правила: никогда не перебивай человека, который пытается связать свой рассказ логикой. Пусть закончит, подумает, вспомнит, добавит и скажет, что вот, мол, и все.

– Что ты ее держишь как микрофон? – Черников показал глазами на бутылку в руке Никитина.

Тот послушно отпил пару глотков.

– Так вот, дальше. Я на всякий случай протянул родословную этого самого графа Муромова. Очень интересный факт: его внук живет у нас в городе, иногда читает в университете лекции по истории. Доктор наук. Но пьет как сантехник. Оказался еще тем старичком! Пришлось сбежать за бутылкой «Арарата» в близлежащий гастроном. Убытки учти при начислении премии. Если она будет. Короче говоря, чувствую я неподдельный интерес деда к камешкам. Может, хочет помочь нам их найти, а потом, как это сейчас модно, унаследовать? У него мозги еще варят как надо! Помнит все чуть ли не по дням.

– Мы не камни ищем. Завтра созвонись с ним для опознания. Может, хоть здесь след какой потянется.

– Уже сделал. Завтра в одиннадцать он нас ждет. – Черников вздохнул. – Теперь ты коньяк покупаешь.

– Он что, алкоголик, что ли? – возмутился Никитин.

– Нет, алкоголики столько не живут. Но выпить рад. После второй стопки его речь ручейком в уши течет.

– Может, это после твоей второй стопки его речь тебе в уши ручейком побежала?

– Нет, Саша. – Черников не обиделся. – Ты не прав. Знаешь ведь, что меня и двумя бутылками не свалить, а уж парой стопок!.. Кстати, дед мемуары пишет и какую-то работу по развитию оружейного дела на Руси.

– Все?

– Все.

Никитин поднялся с травы и аккуратно, чтобы не звякнула, положил свою бутылку рядом с той, которую опустошил Черников.

– Завтра вместе поедem. Который час?

– Без пяти шесть.

– Пошли, сейчас ребята подтянутся.

Никитин и Черников миновали сержанта с «кипарисом» у бедра, стоявшего на входе, и стали подниматься по лестнице ГУВД.

Саморуков и Стариков были уже в кабинете.

Игорь поднялся и сообщил:

– Саша, там внизу, в дежурке, ребята из ППС мужика приволокли, подходящего по ориентировке. Пока мы его трогать не стали, тебя ждем.

– Напрасно не стали, – возразил Никитин, перекатывая языком мятную таблетку, раздрающую слизистую оболочку рта. – Давайте сюда этого гражданина.

Гражданин по своему образу и подобию являл собой объект, точно описанный соседкой покойного Вирта. На вид сорок пять лет, среднего роста, седина, едва заметная невооруженным глазом, коричневая куртка, черные брюки. Согласно рапортов двух сотрудников патрульно-постовой службы, данный гражданин был задержан в квартале от дома Вирта полчаса назад.

Никитин показал на него глазами Саморукову и Старико-

ву, мол, поработайте, а сам сел в стороне и закурил.

Опера разместились так, чтобы после их вопросов человеку, отвечая, пришлось вертеть головой то вправо, то влево. После этого Саморуков стал крутить в руке часы, а Игорь защелкивать и снова открывать наручники. Это тоже не добавляет допрашиваемому субъекту ни уверенности, ни возможности сосредоточиться.

– Где живете? – спросил Стариков.

– В городе, – ответил задержанный.

– В каком? – поинтересовался Саморуков.

– В этом.

– Тогда, наверное, нужно просто адрес сказать, не правда ли? – заметил Стариков. – Вас ведь не в Суринаме задержали, да?

– Я на улице Ломоносова живу. В доме номер семьдесят.

– Еще бы квартиру узнать, – заявил Саморуков.

– Восемь.

– Все правильно, – объявил Стариков. – Все сходится.

Квартира номер восемь.

– Что сходится? – спросил мужик. – Что может сойтись?!

– Да вы не нервничайте. Может, вам дать бланк, и вы нас допросите по всем правилам? Вы будете спрашивать, а мы отвечать. Когда мы захотим что-либо узнать, вы нам скажете: «Может, вы рот закроете, поскольку здесь спрашиваю я?»

Мужик понял и обмяк. Он решил молча дожидаться разгадки тайны своего задержания.

– Как давно вы знаете Вирта?

– Какую вирту?..

– Андрея Вирта, – уточнил Стариков. – Вы ведь двадцать восьмого мая последний раз с ним виделись.

Никитин понял, что Игорь прокололся. Не нужно было называть число. Если мужик знает Вирта и поймет, что его прижали, то он назовет любое число до двадцать восьмого. Тогда все будет в порядке. Можно крутить его дальше с надеждой на перспективу. А сейчас он станет бодаться до последнего, уверяя всех в том, что Вирта не знает, потому что на него конкретно пытаются повесить убийство, а не знакомство.

– Понятия не имею, о ком вы говорите. Я не знал никого с фамилией Вирт...

«Стоп!» – сработало в голове у Саши.

– А почему «знал», а не «знаю»? – Он вонзился глазами в переносицу мужика.

– Не знал до сегодняшнего момента. Впоследствии, может быть, узнаю.

– Тогда что вы делали в его квартире двадцать восьмого мая?

– Назовите адрес! Я много где бываю. Может, и был где-то двадцать восьмого мая, но я ведь не обязательно должен знать, кто там проживает.

– То есть? – удивился Саморуков.

– Вы кем и где работаете? – уточнил вопрос Никитин.

– Я опросом общественного мнения занимаюсь. От мэрии города. Вы вообще понимаете, что мое задержание и все эти разговоры незаконны? Я ведь буду жаловаться.

– Ваше полное право. – Черников согласно кивнул. – За пять лет работы в этом отделе я не помню ни одного человека, который уходил бы из этого кабинета без подобного обещания. Отдел все еще стоит, а я продолжаю в нем работать. Недавно звание генерал-полковника получил.

Никитин написал на листке блокнота: «Срочно тащи сюда старуху для опознания» и незаметно передвинул его Черникову. Тот скосил глаз, поднялся и вышел.

Через две минуты он уже выводил свою «Тойоту» на дорогу.

Вероника Бородулина сидела в своем кабинете за столом. Напротив нее разместился начальник следственного комитета города и листал уголовное дело по факту убийств Вирта и девушки на базе «Сибирьдальпромрыба». Он так же, как и Никитин, переживал за свою подопечную. Дать ей такое сложное дело было именно его сознательной инициативой.

Валерий Марченко был из тех людей, которые придерживаются нестандартных форм натаскивания подчиненных. Обучая человека плавать, они бросают его в воду посреди реки и сидят в лодке рядом. Если счастливец после такого «обучения» выплывал, то Марченко больше уже не задумывался о том, брать его в команду или нет. А если тот начи-

нал молить о спасении, Марченко протягивал ему руку, но на берегу отсылал подальше.

На удивление, Бородулина пощады не просила и ни на что не жаловалась. Однако дело есть дело, и Марченко пришел узнать о наработках и перспективах.

Через десять минут после начала разговора в кабинете следователя зазвучала трель телефона. Вика подняла трубку.

– Алло! Следователь Бородулина?

– Да.

– С вами говорит депутат

– С вами говорит депутат городского совета Семкин. По долгу службы я обязан беспокоиться обо всем, что, в свою очередь, заботит моих избирателей. Не секрет, что так называемое дело об убийстве известного предпринимателя Вирта наделало много шума. Люди боятся выходить на улицу, спрашивают, как идет следствие, скоро ли будет задержан маньяк-убийца. Расскажите, пожалуйста.

Вика закрыла трубку ладонью и непонимающе уставилась на начальника.

«Что такое?» – взглядом спросил он.

– Звонит какой-то депутат. Говорит, расскажите о ходе дела по убийству Вирта.

– Учись. – Марченко взял трубку из руки Вики. – Да!

– А кто это? – удивился Семкин.

– А это кто?

– Депутат горсовета Семкин. Я просил рассказать о ходе дела по убийству известного предпринимателя Вирта. Люди боятся выходить на улицу...

– Передайте своему электорату, чтобы смело выходил.

– А что по делу?

– По делу все нормально.

– Ну, зачем вы так в штыки?

– Почему вы, депутат Семкин, оказываете давление на следствие?

– А кто со мной разговаривает, собственно?

– Начальник следственного комитета города Марченко. Так вам доложить? Я через неделю как раз приглашен на сессию горсовета. Там и расскажу о вашей чрезмерной заинтересованности.

– Я, извините, хотел лишь в двух словах.

– В двух? Пожалуйста: до свидания. – Марченко положил трубку. – Виктория Павловна, если еще кто-нибудь из народных избранников будет беспокоить, давайте им мой номер телефона. А если смелости хватит... Вы разговор хорошо запомнили?

– Да. – Вика улыбнулась.

– Выборы скоро. Вот и появилась у них откуда ни возьмись забота о людях.

Начальник встал с простенького кабинетного стула, хотел напоследок сказать что-то, потом передумал и махнул рукой.

– Давай, Виктория Павловна, работай.

После этого он поднялся в свой кабинет и сам позвонил Никитину.

Глава 6

К исходу дня стали очевидны три вещи. Во-первых, труп девочки был установлен. Истерзанным ребенком оказалась жительница того же района, в котором было совершено убийство Вирта. Имя тринадцатилетней Евы Милешиной вписалось кровавой строкой в список жертв садиста. В семь вечера девочка вышла из дома и направилась к подруге. В двенадцать часов ночи родители забили тревогу.

Идиот помощник дежурного по райотделу не принял заявку родителей о пропаже ребенка и сказал:

– Сейчас все они такие. Нагуляется и придет. Вот если и завтра не появится, тогда приходите.

К этому времени Ева Милешина была уже мертва. Родители опознали ее в морге по шраму на руке. Трехлетняя Ева нечаянно уронила себе на локоть горячий утюг.

Во-вторых, старушка не опознала мужчину, задержанного ДПС. Защищая закон, обязательно где-то его нарушишь. Так и сделал Черников. Вместо официального опознания он привез Мыскину в ГУВД, подвел к открытому кабинету и в щелку показал задержанного. Если бы старушка сказала, что он и есть, то можно было бы смело проводить законное опознание.

Но Мыскина посмотрела в просвет на мужика, прищурившись опытным взглядом бывшей вахтерши, потом протерла

рукой глаза и заявила опешившему Черникову:

– Ты чего такой бестолковый? Я же сказала, у того глаза серые были. А у этого карие!

– Вы что, в глаза ему глядели с четвертого этажа на третий? – рассердился Черников. – Смотрите хорошо! Все тут – куртка, седоватый, черные штаны! Что еще надо?

– Вот бестолочь, а! – не унималась бабка. – Я же сказала, глаза серые!

– Но вы же еще говорили, мол, то ли серые, то ли зеленые! Может, карие?! Куртка, штаны!..

– Не он.

Черников плюнул. После такого провала было бы дико приглашать следователя для официального опознания. Он отвел бабку в дежурку и попросил отвезти ее домой при первом удобном случае. Вскоре гражданку Мыскину привезли на «Жигулях» патруля прямо к дому, и остаток вечера она гордо рассказывала соседкам, как ее привлекли органы для расследования убийства.

После этого Никитин велел Старикову зарядить за мужиком наружку и провести полную оперативную установку по домашнему адресу.

И, наконец, третье.

В деле появился некий фигурант по кличке Степной. Как бы ни развивались в дальнейшем события, он прямо или косвенно замешан в истории с камнями, образец которых Никитин обнаружил рядом с трупом. Камни старые, история то-

же, а труп – только что образовавшийся. Кто он такой, этот Степной?

Есть ли смысл связывать воедино всю полученную информацию?

Сорокапятилетнего Матвеича в этом доме знали все. Данный фрукт был бомжем и ничуть этого не стеснялся. Однажды, когда он сидел под лестницей первого этажа, дверь в подъезд отворилась, и в нее с шумом ввалилась толпа во главе с Андреем Верником, проживающим в двенадцатой квартире. Сорокадвухлетний мужик вместе с холодным облаком улицы затащил за собой двух парней и трех девиц. Компания хохотала как безумная и почти валилась с ног от спиртного. По привычке Матвеич сжался и стал почти прозрачным. Крутых нервировать не стоит – дорого обойдется.

Но одна девица внезапно оторвалась от своего кавалера, пьяно ткнула пальцем в бывшего токаря и спросила:

– Ой, а кто это?

Верник нахмурил брови и уткнулся в бомжа точкой их пересечения.

– А-а! Да это наш Матвеич!

Тому сразу стало не по себе. Могут и побить.

Надежду в него вселил все тот же Верник, заявивший:

– Отстаньте. Он тут живет.

– А почему именно здесь? – пьяно покачиваясь, спросила одна из дам.

Вместо ответа Верник толчком направил их на верхний этаж к своей квартире, повернулся к Матвейчу и с улыбкой спросил, доставая из кармана куртки бумажник:

– Матвейч, «Пассат» мой постережешь? – Он протянул еще ничего не понимающему бомжу сотенную.

Матвейч мгновенно сконцентрировал свое внимание на купюре.

– Андрюша, кого покараулить? Ты только скажи. Я махом. Верник от души рассмеялся, засовывая деньги в руку Матвейча.

– Машину мою, «Фольксваген»! Стоит у подъезда.

– Андрюша, без вопросов.

Со следующего дня жизнь бывшего слесаря стала входить в новую колею. Неожиданно начальник ЖЭУ, как-то стесняясь, предложил Матвейчу занять одну из кладовок в подвале дома, где тот жил, а потом и небольшой подработок – уборку снега перед домом. Довольно скоро Матвейч сделал у себя в подвале ремонт. Благодаря его почти золотым рукам в двух кладовых Верника, расположенных под подъездом, возникла очень неплохая по нынешним бомжовским меркам квартира. Жильцы несли ему пустые бутылки и мелочь. Вот именно поэтому Матвейч был бомжем и нисколько этого не стеснялся.

Но однажды раздался этот проклятый крик.

Так кричит человек, когда видит перед собой не смерть, а ее приход. Мужской голос был невероятно высоким.

Матвейч приподнялся на топчане и прислушался.

Тихо.

Матвейч отворил дверь и пошел к лестнице, ведущей наверх, в подъезд.

Две ступени, четыре...

Его ухо уловило какие-то чавкающие звуки. Бывший слесарь все понял, и ему стало жутко.

«Вернись обратно и крепко притвори за собой дверь!» – немедленно приказал ему внутренний голос.

Матвейч как под гипнозом продолжал подниматься по лестнице.

Вот она, полоска света в подъезде. Матвейч сам ввинчивал лампочки и следил, чтобы их не крали.

Сперва он заметил ноги. Они подергивались и слегка елозили по полу. Округлевшими от ужаса глазами бомж увидел густую лужу крови, расплывавшуюся под этими ногами.

«Спрячься!» – взмолилось нутро Матвейча.

Но он сделал шаг вперед и, когда ему открылась вся картина, остолбенел, уже не в силах более двигаться.

Его благодетель Верник лежал на спине и, уже будучи мертвым, в агонии сучил ногами. Лица Андрея видно не было, потому что на его животе сидел кто-то, закрывая спиной всю картину. Что именно происходило, обезумевший Матвейч не знал, точнее – не хотел думать об этом.

Внезапно человек, сидящий на Вернике, замер, помедлил, а потом резко обернулся.

На Матвейча смотрели почти желтые глаза, подернутые пеленой безумия. С перекошенного рта вязкой ниткой свешивалась слюна. Пот везде...

Человек, сидящий на Вернике, встал и сделал шаг на встречу бомжу.

Но тот не смотрел на него. Матвейч как замороженный уперся взглядом в пустые окровавленные глазницы, в которых некогда светились вечным пьяным весельем зрачки Верника.

Неизвестный тип, шамкая ртом как наркоман в состоянии депрессии, сделал еще шаг вперед. На его лице появилась улыбка.

Где-то на втором или третьем этаже хлопнула входная дверь, и раздался стук ведра о бетонный пол. Матвейч взмолился о том, чтобы тот спаситель скорее нес бы вниз свое помойное ведро. Ну, давай же!..

Неизвестный тип услышал то же самое, что и бомж, стер с лица улыбку, быстрым шагом прошел мимо Матвейча и растворился в темноте улицы.

Когда тот оказался рядом, бывший слесарь почувствовал, как его обдало знакомым, но непонятным и страшным запахом.

Он вспоминал этот запах еще три часа, уже сидя в кабинете районных оперативников и тупо глядя в трещину, рассевшую стену их кабинета. Его спрашивали, зачем он убил Верника, а Матвейч молчал и вспоминал...

Прозрение пришло неожиданно. Он распознал запах лишь тогда, когда в кабинет зашел некто по фамилии Никитин в сопровождении двоих крепких парней.

Так пахнет только что выкопанная яма.

– Водка есть? – спросил Никитин, разглядывая мужика, сидящего на стуле в состоянии анабиоза.

– У меня только местная. Будете? – молоденький оперативник с уважением разглядывал уверенного в себе представителя ГУВД.

– Да не мне, – поморщился Саша. – Ему налей полстакана. Иначе мы в гляделки до утра играть будем.

Матвейч медленно выпил водку как воду и поставил стакан на край стола. Ничего пока не изменилось. Пять ментов продолжали стоять над бомжем из пятого подъезда дома на улице Сакко и Ванцетти.

Внезапно Саморуков шагнул к нему и наотмашь ударил ладонью по щеке. Голова мужика качнулась в сторону, но когда она вернулась в исходное положение, в глазах Матвейча уже зажглись искорки разума.

– Отошел? – с сочувствием поинтересовался безжалостный Мишка.

По глубокому выдоху бомжа все поняли, что он отошел.

– Что произошло? – Никитин придвинул стул и по-ковбойски сел на него верхом напротив слесаря.

– Да что случилось! – воскликнул один из молодых опе-

ративников. – Завалил он Верника!

Стариков повернулся к районным операм и приказал:

– Вышли.

– В смысле? – спросил один из них, прекрасно понимая, что им сказали.

– Я велел выйти, – еще тише, но уже с угрозой проговорил Игорь.

Когда за ними закрылась дверь, Александр снова спросил:

– Что произошло?

– Как выглядел? Лет пятьдесят, наверное, седина есть. Роста такая гадкая, мерзкая. Перекошенная какая-то. Слюни текут. Ростом вот с него будет. – Матвеич показал пальцем со сломанным ногтем на Старикова. – Гад буду, как вспомню – жить не хочется. Глаза как у желтушника...

Глаза как у желтушника...

– Во что был одет?

– То ли плащ, то ли куртка, измятый весь. Только верхнюю одежду запомнил. Может, и не обратил бы внимания, да полы так странно торчали в разные стороны, словно картонные. Грязная, наверное, одежда-то.

Саморуков хотел было спросить, видел ли бомж какое-нибудь оружие в руках убийцы, но глянул в сторону Никитина и осекся. На лице начальника отдела выступила испарина.

Саша почувствовал, как начинает чуть учащаться пульс на висках, достал из кармана платок и спросил:

– Брови белесые, бесцветные, губы тонкие? Подбородок острый? Верхняя губа чуть выдается над нижней?..

Матвеич вскинул на Никитина удивленный взгляд.

– Точно.

Опера, привыкшие ко всяким закидонам своего шефа, не вмешивались и молча разместились, как на насестах, на столах районных оперативников.

– Лет пятьдесят, говоришь?.. – Саша задумался. – Точно, так и есть. Все правильно.

Немного поговорив с районными оперативниками, Никитин велел притормозить Матвеича до утра, установить его личность, прошлое и после отпустить на все четыре стороны. Садясь за руль, он снова вспомнил события тридцатилетней давности.

– Надо заехать или нет? – уже почти кричал в машине Стариков, прикоснувшись рукой к плечу Никитина.

Александр очнулся от забытья, развернулся с переднего сиденья к Старикову.

– Прости, Игорь.

Стариков вздохнул.

– Саша, я говорю, давай в психушку заедем к этому Ру-сенкову. Душа у меня что-то не на месте. Такое впечатление, что он не больной вовсе. Я, скорее всего, шнягу гоню, по-

тому что такое маловероятно, но мне кажется, будто мужик что-то сказать хочет и боится.

Никитин посмотрел на часы.

– Хорошо. Черников будет в ГУВД через час, так что, я думаю, успеем.

Двадцать минут спустя машина оперов остановилась у входа в лечебницу, прямо перед запрещающим знаком с пояснением: «Кроме машин ЦПЛ».

– Вы? – откровенно удивился главврач, увидев входящего Старикова. – Нашли что-то интересное в карточках?

– Нет, мы по другому поводу. Нам хотелось бы побеседовать с Русенковым.

Врач удивился еще больше.

– Больной на процедурах. А зачем он вам?

– Вам же сказали, побеседовать, – уточнил Саморуков.

– Нет проблем. Кабинет психолога по-прежнему свободен. Вы помните дорогу?..

Русенков смотрел в стену невидящим взглядом и твердил о том, что она погубит свою жизнь. Главврач пытался сделать все возможное, чтобы переключить бывшего мурманского полицейского на другую тему, но тот оставался неумолим.

– Нам бы обвенчаться.

Врач повернулся к Никитину, безошибочно угадав в нем старшего, и спросил:

– Он вам еще нужен?

Стариков и Саморуков обреченно вздохнули и встали, ожидая того же от Александра.

Но тот, едва подрагивая ресницами, застопорил взгляд на лице Русенкова и заявил:

– Я еще поговорю с ним.

Врач, а следом и опера покинули кабинет.

– Будет толк? – спросил Стариков Мишку.

– Я вообще не понимаю, какого черта мы сюда приперлись. Ты тоже, психолог!..

– Как вас зовут?

Русенков продолжал смотреть в стену.

– Я знаю, что вы – не сумасшедший. Что вас здесь держит?

– Далось ей это венчание.

– Чего вы боитесь?

Молчание.

– Вы сказали: «Ищущий да обрящет». Что вы имели в виду? – Никитин снова посмотрел на часы. – Знаете, у медиков есть такой профессиональный принцип: никогда не подвергай сомнению диагноз, поставленный коллегой. У нас, ментов, если вы понимаете, о чем я говорю, тоже есть принцип: всем, чем можешь, помоги коллеге, идущему по следу преступника. Если вы забыли этот принцип, тогда нам на самом деле разговаривать не о чем. – Саша встал и пошел к двери.

– Метагексоэпам-два, – раздалось за его спиной.

Никитин резко обернулся и чуть не утонул в глубине

осмысленного взгляда Русенкова.

– Что вы сказали? – Он шагнул к больному и повторил вопрос.

Русенков поднял совершенно разумный взгляд на сыщика.

Дверь распахнулась, вошел главврач.

Никитин изумился той перемене, которая произошла в этот момент в облике Русенкова. Тот же стеклянный взгляд, бессмысленные, как у Пьеро, приподнятые вверх брови.

– Извините, ему пора отдыхать. Он из категории тех, кому не рекомендуется заниматься логическими размышлениями. Скажу простым языком, без медицинских терминов. Русенков – человек не для бесед.

– Нам бы обвенчаться.

Следуя по коридору за Никитиным, главврач поинтересовался:

– Он вам что-нибудь сказал?

– Вы же сами утверждали, что этот человек не для бесед. Им бы обвенчаться.

– В вас произошла какая-то перемена, поэтому и спрашиваю. Я же психиатр.

Никитин остановился, усмехнулся и проговорил:

– У любого, кто не связан профессиональной деятельностью с психически больными людьми, в душе будут перемены. Я ведь только что разговаривал с психом. Прощайте.

Он шел по коридору и бормотал одними губами, чтобы не

забыть:

– Метагексоэпам, метагексоэпам...

Уже в машине, скрывшись за тонировкой стекол, он быстро достал блокнот и записал: «Метагексоэпам. Главврач. Дела Русенкова в Мурманске».

Глава 7

– Теперь давайте раскладывать по своим полкам все, что имеем.

Никитину уже надоело топтаться на одном месте. Более непонятного дела он не встречал за всю свою карьеру сыщика. В процесс включались новые действующие лица без всяких на то оснований. Как могут быть связаны единым умыслом преступника убийства положенца Вирта, ученицы средней школы и нувориша Верника? Пока ответа на этот вопрос не было. Если в городе завелся маньяк, то почему он действует вопреки всем мотивам поведения, известным мастерам сыска? Непонятно!..

– Сергей, какого цвета были глаза жертв? У них одинаковое прошлое, цвет волос, манера говорить? Какова связь между ними? Даже здесь опереться не на что. Как больной, по фамилии Русенков, человек не для бесед, может знать про какой-то метагексоэпам? Кто он? Почему под ногами постоянно путается главврач и Русенков при нем косит под дебила? Ты спрашивал у экспертов, Игорь, что такое этот... метагексоэпам-два?

– Спрашивал, – доложил Стариков. – Они сказали, что это каша, мед, дерьмо и пчелы в одном слове.

– Спасибо, – поблагодарил Никитин. – Сейчас иди и делай запрос на сотрудника УВД города Мурманска Русенкова

Антон Антоновича. Все-все-все. «Хочу все знать». Захватил в юности такой киножурнал? Михаил, что по запросу в Москву?

– Ждем-с.

В конце стола зашевелился, словно пробуждаясь, Черников.

– Сегодня проверил все ориентировки за год по области. Человек в сером плаще нигде не отвечивал.

– Да. А что насчет социального работника в черных брюках?

– Наружка его пасет. Раз молчат, значит, ничего выдающегося не происходит. Будем ждать письменного ответа. Может, там что прояснится.

– Понятно. – Никитин тяжело вздохнул.

У него было такое же ощущение в юности, когда он прыгал с парашютом. Ты стоишь перед вечностью, и не на что опереться.

– Что, Сергей, через полчаса нужно выдвигаться к мемуаристу Муромову?

– А ты коньяк купил?

– По дороге возьмем.

В тот момент, когда Александр и Сергей поднимались по лестнице дома, в котором жил доктор Муромов, в квартире данного персонажа происходило следующее.

Муромов барахтался на кровати, пытаясь вывернуться из-

под подушки, которая тяжким грузом давила ему на лицо. В изголовье мемуариста на коленях стоял человек в коричневой кожаной куртке и с силой давил на эту самую подушку. С удовлетворением почувствовав, что барахтанье стало носить конвульсивный характер, он удвоил усилия, желая побыстрее закончить с этим делом.

И тут произошло непредвиденное. Раздался звонок в дверь. Человек вспомнил, что не запер ее изнутри, а лишь прикрыл, и мысль об этом разом изменила его планы. Он оставил подушку на голове жертвы и выскочил на балкон.

Четвертый этаж полногабаритного дома сталинской постройки. Прыжок вниз означал смерть, вверх, с целью дотянуться до балкона, – то же самое, только с большей высоты.

– Что это он не открывает? – забеспокоился Черников.

– Спит, наверное.

– Он сказал, что встает в семь и садится за мемуары.

– Ага. – Никитин неопределенно хмыкнул, разглядывая этикетку на бутылке «Дербента».

Черников толкнул дверь, и она неожиданно открылась. Ни слова не говоря, опер вынул ПМ и осторожно вошел в квартиру. За ним проследовал Саша. Его вид, с пистолетом в одной руке и бутылкой коньяка в другой, был несколько нелепым, но отвлекаться на то, чтобы избавиться от благородного напитка, не было времени.

Черников рывком перевалился через порог комнаты, за

секунду оценил ситуацию в квартире и завопил:

– Саша! Займись дедом, я к балкону!

Балкон был пуст. Глянув вниз, он не обнаружил никаких признаков жизни или смерти на асфальте. Потом опер повторил движение человека в кожаной куртке – быстро поднял голову вверх. Не стоило даже думать о том, что можно дотянуться до балкона пятого этажа.

– Не на крыльях же он сюда прилетел! – в сердцах рявкнул он в комнату.

А там Никитин стащил старика на пол и делал ему искусственное дыхание. Саша уже понял, что тот будет жить. Пульс прощупывался, появилось и прерывистое дыхание.

– Давай, старик! – подбадривал его Никитин, продолжая давить толчками на седую впалую грудь. – Сейчас коньячку хапнем по маленькой! «Дербент», Кизляр, выдержка три года! Сорок два градуса! Как в сказке будешь.

– Ушел, сука! – со злостью выдавил Черников, входя и отмахиваясь от надоедливой тюлевой занавески. – Или улетел. – Некоторое время он глядел на Никитина, трудящегося в поте лица, потом заявил: – Хорош прессовать-то его!

– Посмотри у него лекарства на тумбочке. – Александр продолжал работать руками.

– А я в них разбираюсь? Валокордин, реланиум... Влей лучше пару капель коньяка ему в рот!

Наконец дыхание старика стало ритмичным.

Никитин поднялся с пола и коротко приказал Черникову,

показывая на кучу пузырьков и таблеток:

– Дай нашатырь. Вон он стоит.

В это время этажом ниже двое братьев Мартемьянц семи и девяти лет воспользовались отсутствием дома взрослых и продолжили игру в полицейского и бандита. Забава заключалась в стрельбе друг в друга из пистолетов, снаряженных пистонами. Братья умело скрывались за складками местности в полногабаритной квартире и постоянно спорили о том, кто из них был убит первым. Иногда спор перерастал в масштабные драки, в ходе которых постигалась истина. Они приняли компромиссное решение быть убитыми по очереди, а потом младший Мартемьянц вдруг обратил внимание старшего на необычную ситуацию, сложившуюся за их окном. Балкон братьев был на другой стороне дома, поэтому они прильнули к окну.

Прямо перед ними висел мужик

Прямо перед ними, зацепившись руками за край балкона четвертого этажа, висел мужик. Такого они еще не видели никогда в жизни. Мужик не звал на помощь, не пытался подтянуться и снова залезть на балкон. Он просто висел, словно в этом был какой-то смысл.

Братья открыли окно. Видение не исчезло. Живой мужик в коричневой кожаной куртке спокойно висел, зацепившись

руками за край балкона. Увидев открывающееся окно, он вздрогнул, но заметил детей и немного успокоился.

– Дядя! – обратился к нему старший Мартемьянц. – Пожарных с лестницей позвать? У нас телефон есть.

Мужик молчал.

– Может, дяденька глухой? – спросил младший.

– Не знаю, – сознался старший и заорал: – Дядя!

Мужик зашипел на них как гусь.

– Он немой, – понял старший. – Поэтому не может позвать на помощь. Дядя! Вам позвать пожарных?

– Кто там орет? – спросил Никитин Черникова, вливая в рот пенсионера полрюмки коньяку. – Ну-ка, глянь.

Черников вернулся через мгновение и сообщил:

– Пацанва какая-то. Где-то рядом.

– Может, он нас не видит? – спросил младший.

– Видит, но не слышит.

– Поэтому не понимает.

– И сказать ничего не может. Он глухонемой, – заключил старший.

– Надо что-то делать.

– А как? – огорчился старший Мартемьянц и тут же ответил на свой вопрос: – Нужно в него что-нибудь кинуть. Легкое.

– Гвоздь подойдет?

– Что с вами случилось? – спросил старика Никитин, едва тот стал проявлять признаки осмысленных действий. – Кто на вас напал? Вы знаете его?

Муромов уставился на Никитина немигающим взглядом.

– Вы кто?

– Начальник отдела по раскрытию убийств Никитин.

– Вот дожились, а?! – внезапно восхитился старик. – Убить еще не успели, а начальник уже здесь! Молодца! Не зря НКВД с конца тридцатых кадры готовить стали!

– Мой коллега Черников был у вас вчера, – пояснил Саша.

– Здорово, дедуля, – заявил Сергей. – А у тебя, вижу, жизнь ключом бьет? Не ту фамилию в мемуарах упомянул, что ли?

– А, Серега! – Старик улыбнулся одними губами. – Жизнь нынче стала опасной! Демократы хреновы довели страну!

– Это демократ тебя так? – любопытно спросил Черников. – Кто был здесь? Знаешь, нет?

– Если бы знал! Налетел, падла, как коршун! Если бы я не спал, то показал бы ему, суке, старую закуску!

– Ладно, – успокоил разбушевавшегося доктора наук Никитин. – Из-за чего вас хотели убить? Сами подумайте. Вчера к вам приходит сотрудник полиции и спрашивает про дела давно минувших дней. У вас сегодня с ним назначена встреча. Опоздай мы на полминуты, вы были бы убиты. Так кто это мог быть? С кем вы разговаривали после ухода Сер-

гея?

– Он на гвозди не откликается.

– Молчит, – согласился старший брат. – Принеси-ка мне дротик от дартса.

– Может, в полицию позвонить?

– А вдруг он не хочет, чтобы кто-то полицию звал? Неси дротик.

– С кем разговаривал? Да ни с кем! Кому нужен такой старый пень, как я?! Впрочем...

За окном раздался страшный крик, как-то нехорошо удаляющийся вниз.

Черников и Саша метнулись на балкон.

– Черт!.. – вырвалось у Никитина. – Это тот самый! Социолог из мэрии!

К крику человека в кожаной куртке, корчившегося на асфальте, добавились несколько вскриков женщин, проходивших мимо. Около пострадавшего мгновенно стала собираться толпа.

– Откуда он упал?! – Изумлению Черникова не было предела.

Он смотрел вверх, не понимая, как такое могло случиться.

– Откуда упал?! – взревел Никитин. – Он висел, зацепившись за балкон! Ты как проверял?! Пока это наш единственный свидетель! Вызывай «Скорую» и опергруппу! Я вниз!

Не чувствуя своей скорости, Саша пролетел все лестничные пролеты, расположенные квадратом, и выбежал на улицу.

Расталкивая зевак, он прорвался в стихийно образованный эпицентр событий и присел над мужчиной в коричневой куртке.

У того из ушей текла кровь, и по его мутнеющим глазам Саша понял, что через мгновение все будет кончено.

– Кто вас послал к Муромову?

Последовало еще несколько конвульсивных движений, и из горла упавшего мужчины хлынула кровь.

– Бесполезно, – услышал Никитин позади себя. – Он упал практически вниз головой. Непонятно, как еще столько жил.

За спиной Саши стояла женщина лет тридцати.

– Я врач, – посмотрев на мужчину, объяснила она.

В бедре помощника депутата Семкина торчал черный дротик от игры дартс.

Оперативники сидели в квартире Муромова. На фоне неунывающего историка их вид вполне подходил под определение «депрессия». Старик, которого всего несколько минут назад едва не лишили жизни, обещал помочь им чем только сможет.

А операм было из-за чего переживать. Из реально существующих действующих лиц этой страшной и непонятной истории лишь двое могли пояснить хоть что-то. Гражданин,

которого только что отвезла в морг местная труповозка, и Муромов.

Если быть до конца откровенным, то Никитин не ставил ни на одного из них как на лиц, могущих определить ключевое направление расследования. Настолько нелепой была связь между ними и убийствами.

Одно было ясно наверняка. Едва Черников посетил Муромова, как над жизнью старика нависла смертельная опасность. Восемьдесят лет он не думал о том, что помрет, будучи задавленным собственной подушкой. Всего лишь одно появление старшего оперуполномоченного Черникова, продолжавшееся полчаса, едва не поставило крест на его мемуарах.

Если только за Сергеем не следили, что, впрочем, маловероятно, то организатором покушения на Муромова вполне можно было считать самого старика. Только его связь с кем-то после отъезда Черникова могла подтолкнуть неизвестного злодея к решительным действиям.

– Кому же я звонил? – Старик напрягал память, тужась, как в уборной. – Нет, ребята. Разрази меня гром, если вру, но я не звонил никому. После отъезда Сереги я соснул с полчаса и сел за мемуары. За пятую главу. Она называется «Выжить, чтобы жить». В ней будет описана моя трагическая судьба во времена чистки. Понимаете, в конце тридцать шестого года...

– Я прочту, – пообещал Никитин и потер пальцами лоб. –

Значит, вы не звонили?

– Слово доктора наук.

– Верю, – неуверенно заключил Никитин, глядя, как сей доктор наук заливает в рот, как в воронку, треть стакана со-рокадвухградусного «Дербента». – Ну, а вам-то звонили?

Муромов крикнул как подстреленный чирок, поставил стакан на прикроватную тумбочку, с разочарованием устался на Александра и заявил:

– Обижает. Мне звонят каждый день! Товарищи по партии, те, кого еще сохранила жизнь, консультанты по написанию мемуаров, ну и просто знакомые.

Никитин с Черниковым переглянулись.

– Хорошо. Тогда давайте вспомним, кто вам звонил вчера. Начнем с того, кто был первым после отъезда Сергея.

– Пожалуйста. Где-то в пять вечера звонила медсестра. Она живет неподалеку. Старая знакомая моей покойной супруги, поэтому ежедневно спрашивается о моем самочувствии.

– Дальше, – поощрил его Черников.

– Около семи позвонил Сташевич.

– Кто есть Сташевич? – по-военному поинтересовался Никитин.

– Выпускник Оксфордского университета, поляк по национальности, мой хороший знакомый. Помогает в написании истории возникновения огнестрельного оружия.

– Принято, – согласился Сергей. – Вспоминаем дальше.

Старик наморщил лоб, и без того перепуханный долгими годами, и Никитину подумалось, что если дед не может вспомнить, с кем он вчера разговаривал по телефону, то как он может писать в своих мемуарах про дела минувшие, которые начались чертову уйму лет назад? Судя по трудам Волкогонова и академика Поляка, разложенным по письменному столу, старик Муромов вспоминал не совсем своими мозгами. Мемуаристы – сложный народ. Они как в той песне: «Все, что было не со мной, помню». Брежнев писал, что спас солдата во время шторма. Оказалось, что это солдат его спас. И так далее. А вот принимали ли вчера но-шпу – не помнят. Бывает. Но про такое вспоминать не стоит, это – не героическое прошлое, а карма.

– Дед! – Черникову надоело смотреть на кошмарную маску напряжения, застывшую на лице Муромова. Что ты сидишь, как Кутузов в Филях? Пробки вышибло, что ли? Кто тебе после оксфордского поляка звонил?

Пенсионер хлопнул себя по лбу.

– Ну, конечно! Вспомнил! Витольд Шостаков!

– Кто такой Витольд Шостаков? – стоически продолжал допрос Никитин.

– Ученик мой. Я тогда в медицинском институте историю на кафедре преподавал, а он был моим лучшим студентом! И как я мог забыть?..

Вертикальные морщины воспоминаний сменились горизонтальными, признаком досады.

– Где работает Шостак?

Старик открыл было рот, но вдруг в комнате раздалась оглушительная трель телефонного звонка. От неожиданности Черников вздрогнул, взглянул на Никитина, пробормотал что-то невнятное и полез в карман за сигаретами.

– Да! – заорал в трубку Муромов. – Здравствуй-здравствуй! Слушай, у меня такая неприятность сегодня вышла! Кто-то меня задушить хотел, а потом этот человек упал вниз, когда полиция приехала!

Все это старик успел произнести на одном дыхании, так что времени у Никитина было ровно столько, чтобы рывком дотянуться до телефона и обрушить на рычаги свою ладонь.

– Кто звонит?! – рявкнул Черников, роняя сигарету изо рта.

– Да Витольд и звонил! – заверещал пенсионер. – Я как раз вам трубку хотел отдать!

– Кто такой этот Шостак, черт меня подери?!

– Главврач ЦПЛ! Центральной психиатрической лечебницы! Самый способный и старательный мой ученик!

Никитин побелел.

– Сергей, срочно вниз. Пусть труп этого помощника везут не в морг, а в реанимационную палату первой попавшейся поликлиники! У входа поставить опера в гражданке, пусть отслеживает все контакты. Врачам настрого запретить передачу какой-либо информации. Бегом!

Не успела за Черниковым захлопнуться входная дверь,

Никитин присел около кровати Муромова, отодвинул в сторону бутылку коньяка и проговорил:

– Я хочу знать все про камни вашего деда. Скажите, кому вы могли о них рассказывать совсем недавно? Я имею в виду ничтожный период в истории, которую вы изучаете, – около года или двух лет назад. Не забывайте, что вы мой должник.

Глава 8

Некоторое время в квартире Муромова царила гробовая тишина, прерываемая лишь звяканьем горлышка бутылки о край рюмки. Доктор наук, растроганный собственными воспоминаниями, подливал себе коньяка.

– Это все? – прервал молчание Никитин, услышал утвердительный ответ, повернулся к Сергею и приказал: – Квартиру под контроль. Пусть в ней постоянно находятся и меняют один другого Игорь и Михаил. Или нет... Поставьте сюда до вечера участкового.

Черников посмотрел на бутылку, содержимое которой стремительно уменьшалось, поднял глаза на Муромова, встал, подошел к окну и спросил:

– Что такое метагексоэпам?

– Что такое метагексоэпам?

Старик искренне изумился.

– Понятия не имею. Насколько хватает моего образования, это набор несовместимых друг с другом названий.

Стукнули двери. Это оперативники доставили на этаж одного из участковых, закончившего опрашивать граждан по факту падения неустановленного мужчины. Пора было возвращаться в отдел и забыть про доктора наук Муромова. Ес-

ли этот свидетель и понадобится, то не скоро и не по существенному вопросу. Во всяком случае, интереса для сотрудников отдела по раскрытию убийств он больше не представлял.

В управлении их ждало сразу два сюрприза.

Мишка выяснил, что Степной – кличка вора в законе Степенко Ивана Максимовича. Ему шестьдесят восемь лет. Но самым ценным в информации, полученной Саморуковым, оказался вот какой факт. В 1978 году Степной был отслежен и задержан харьковскими инспекторами уголовного розыска по подозрению в краже личного имущества из квартиры местного ювелира. В списке похищенного числились какие-то шубы, дубленки и две тысячи наличными.

Естественно, что в заявлении ни слова не говорилось о каких-то бриллиантах. Но это не главное. Важен уже тот факт, что кража в Харькове – не вымысел. А что касается заявления... По тем временам ювелир, написавший его, мог запросто подвести себя под вышку.

Но у сыщиков была своя информация. Они «грузили» потерпевшего именно на алмазы. Очевидно, инспектора перестарались с этим, потому что ювелир через пять дней забрал заявление.

Он заявил:

«Шубы я нашел, случайно вспомнил, что дядьке в Киев их отправил на реставрацию. Ничего у меня не похищено, произошла ошибка, и пошли вы все к такой-то матери».

Последнее, естественно, было домыслом Саморукова, но делу это не помешало, так как стало совершенно ясно, что именно Степенко совершил ту квартирную кражу. Еще было понятно, что Степной, когда его манежили два месяца харьковские разыскники, не сдал местонахождения бриллиантов. Теперь не нужно быть дураком, чтобы не понять третье. Камней в известном месте Степной не нашел. Какой-то ловкач разыскал их быстрее, чем он. Что за события сейчас происходят? Камни возвращаются к тому человеку, который похитил их в далеком прошлом? Где алмазы? У Степного? Значит, с ним и незванный гость Вирта, судя по всему.

Второй сюрприз сделал Стариков, подав Никитину ответ коллег из МУРа.

В восемьдесят втором году Тимофей Макеев был передан из московской психиатрической больницы. Его забрал доктор Шостак.

У реанимационной палаты городской клинической больницы сидел на стуле молодой оперуполномоченный уголовного розыска Максим Залесский. Мало того, что у него дел по горло на территории, так его еще отправили непонятно зачем стеречь какого-то не до конца разбившегося жульмана. Упал, видите ли, откуда-то. Ну и черт бы с ним!

Но начальник уголовки после разговора с кем-то из ГУВД сказал:

– Едешь, садишься, стережешь. Как только кто-либо начи-

нает проявлять к известной палате или неизвестному пациенту чересчур излишнее внимание, мгновенно связываешь-ся по рации с райотделом и предпринимаешь все меры к задержанию подозрительных лиц.

Длинно сказал, да и раздраженно.

На второй час несения службы перед Максимом Залесским появился представительный мужчина в костюме.

– Здравствуйте. Я из областного УВД. В каком состоянии пациент?

– Лежит.

– Контакты были?

– Нет. Я никуда не отлучаюсь.

– А через окно палаты? Я же просил, чтобы оно тоже было под наблюдением!

Максим растерянно пожал плечами.

– Пойдемте в палату. – Строгости прибывшего начальства не было предела.

Едва Максим успел прикрыть за собой дверь, как сотрудник областного УВД резко развернулся, схватился за воротник рубашки опера и рывком переместил его к кушетке с больным. В лоб Максима уперся холодный прибор для бесшумной стрельбы.

Выстрела Залесский уже не слышал.

Не теряя времени, неизвестный мужчина поднес пистолет к голове помощника депутата Семкина, опутанного проводами и умершего несколько часов назад. Пистолет трижды

кашлянул.

В тот момент, когда на кафельном полу скакала последняя, четвертая гильза, мужчина аккуратно положил «вальтер» на грудь бедолаги, убитого дважды за один день, и вышел из палаты.

– Ломать этого козла без разговоров! – с присвистом бормотал вполголоса Черников, взбираясь на восьмой этаж, к квартире Шостака.

По неписаным оперским правилам, один идет пешком, второй поднимается на лифте.

Группа захвата во главе со Стариковым, состоящая из четырех бойцов СОБРа, уже наизнанку выворачивала психлечебницу на предмет обнаружения ее руководителя. Вторая – Никитин и Черников – прибыла на квартиру главврача. Последние события породили острую необходимость поговорить с Витольдом Шостаком. Потолковать не просто так, а после его задержания с последующим арестом. Никитин уже нисколько не сомневался в причастности Шостака к покушению на убийство Муромова и, в связи с этим, к смерти помощника депутата Семкина. Непонятным, едва различимым сквозь года курсивом пролегла связь между главврачом ЦПЛ, событиями давно минувших дней и последней недели.

Черников прибыл на этаж всего на пару секунд позже.

– Запыхался, что ли? – Никитин с улыбкой смотрел на опера.

Вот дверь, за которой, вероятно, находится человек, могущий дать ответы на многие вопросы. Оценив ее беглыми взглядами, сыщики поняли, что термины «ломать» или «выбивать» несовместимы с качеством этой двери. Во-первых, она была металлическая, во-вторых, двойная. Вбить ее внутрь квартиры можно было только бульдозером.

Никитин посмотрел на коллегу и полез в нагрудный карман пиджака.

– Килограмм гексогена с собой? – поинтересовался Сергей.

Ни слова не говоря, Никитин стал рассматривать отмычки, он искал подходящую. Через пять минут ему удалось открыть оба замка.

– Если он был в квартире, то уже давно ушел, – пробормотал Черников.

– Да как удрать с восьмого этажа? Резиновый он, что ли?

– В домах такого типа лоджии спарены! Он просто перелез в соседнюю квартиру и вышел из другого подъезда! Ему теперь на все наплевать.

Стараясь не мешать друг другу и оставаться на глазах, опера обошли все жилые и прочие помещения пятикомнатной квартиры врача. Они проверяли шкафы, заглядывали под диваны и кровать, но понимали, что опоздали. Обе лоджии и балкон, все форточки на окнах были заперты изнутри.

Витольд Шостак, может быть, и кудесник психиатрии, но он не Дэвид Копперфильд, чтобы исчезать через стены. В

том, что они опоздали, а не пришли рано, говорили разбросанные по всей квартире вещи, бумаги и еще не остывший корпус монитора компьютера. Шостак настолько ясно понимал нависшую над ним опасность, что забыл даже свои золотые часы на комод. Судя по всему, он наспех собрал самое необходимое и исчез.

Шостак уехал, убежал, растворился в воздухе, испарился!..

Уже было не важно, как он это сделал. Главное, теперь Шостак знал, что его ищут. Он не сомневался в том, что ему грозила беда, а потому будет осторожен, как рысь. Теперь все нужно начинать сначала.

С одной только разницей.

Теперь Никитин знал, кого нужно искать.

Глава 9

Они сидели в креслах просторного зала и курили. Никитин с удовлетворением отмечал присутствие какого-то внутреннего подъема. Бывало и наоборот. Уже не раз они с Черниковым сидели так, куда-то не успев. Случались деньки и похуже. Тогда Никитин чувствовал, что внутри его образуется вакуум. Вроде бы минуту назад сознание захлестывали азарт, чувство близкой победы, но это время проходило, и он ощущал, как его покидало все то, что недавно переполняло.

Это не потеря уверенности в себе, не разочарование в собственных силах. Он начинал снова и снова, ошибался, сбивался с пути, но все равно добивался своего. В это время Никитин становился одержимым. Он не замечал себя, окружающих, забывал про сон, пищу. Его интересовал не весь окружающий мир, а лишь один человек в нем. Саша не успокаивался, пока не находил его.

Но сейчас все было не так.

Он сидел в кресле и улыбался уголками губ. Никитин поймал нить. Из какого клубка она тянется, было уже не столь важно. Достаточно того, что появилось первое звено в цепи совершенно непонятного плетения.

– Смотри, брат Черников, какая картина вырисовывается. Три убийства. Не будем гадать, все ясно как божий день. Тут дело рук одного человека. Точнее сказать, недочеловека, но

нас лирика не задевает. Мы не эксперты душ человеческих. Пусть над этим психиатры рассуждают. А нам сейчас понятно, что почерк один во всех трех случаях.

– Все просто. В городе появился маньяк, которого мы должны поймать. Доктор Шостаков каким-то образом связан с этими убийствами. Но он сбежал. Поэтому нам нужно поймать и его. – Черников встал, подошел к мебельной стенке и стал перебирать бумаги. – Сведем их друг с другом.

– А теперь скажи, Черников, случайно или нет, что именно Шостаков находит в Москве Макеева и забирает его к себе в клинику, в этот город? Не слишком ли много совпадений для одной истории?

Черников стоял как вкопанный, держал у своего лица фотографию и молчал.

– Черников!

Тот повернулся.

– Я спрашиваю, не слишком ли много совпадений?

– Много.

Сергей стоял напротив Никитина и не решался к нему подойти.

– Что ты замер как лань перед водопоем? Дослушать хочешь или нет?

– Хочу.

– Так вот, Сергей. В документах значится, что в восемьдесят втором году Шостаков Макеева Тимофея забрал, а в восемьдесят третьем тот скончался. Так?

Черников послушно мотнул головой.

– Помнишь, я тебе рассказывал... – Никитин замялся, почувствовав, что начинает волноваться. – Там, в городке, в восемьдесят четвертом, девочка?..

Черников молчал.

– У нее тоже было изуродовано все лицо. И я думаю, даже уверен, что это было первое убийство.

Сергей медленно подошел к столику и положил на карты перед Никитиным фотографию, которую до сих пор продолжал держать в руке.

Саша перевел на нее взгляд и почувствовал, как заледенела его спина. Что-то натянулось, как резина, от пояса до затылка и сковало все мышцы.

С фотографии на него смотрело лицо человека, уходящего по тропинке мимо дома. Тридцать лет назад.

Человек тогда обернулся и посмотрел на Никитина. Он чего-то боялся.

– Переверни, – тихо попросил Черников.

На обратной стороне карточки остро заточенным карандашом было написано: «Т. Макеев, 17.04.86 г.».

– Он жив, – так же негромко произнес Сергей и пошел встречать оперативную группу РУВД и следователя Бородулину, прибывших на место происшествия.

В дверях он обернулся и заявил:

– Макеев жив.

– Кого же тогда расстреляли в январе восемьдесят пято-

го? – совсем уже тихо спросил Никитин, пряча фото в карман.

В квартиру, бросая друг другу короткие дежурные реплики, входили опера из районного отдела.

Глава 10

– Сашка! – Не на шутку перепуганный Черников тряс Никитина за плечо.

– Что с вами? – раздался встревоженный женский голос. Александр поднял глаза.

Заслоняя всю панораму квартиры, перед ним стояли Сергей и Вика Бородулина.

– Ничего. – Никитин потер лицо руками. – Заснул, наверное.

– Вот нервы у мужика! – услышал он позади себя.

Витя Перов. Опер районного УВД. Последний раз Никитин видел его на базе, при осмотре трупa девочки.

– Ничего себе квартира! – восхитился опер. – Да таких же просто не бывает!

– Ты и Пизы в глаза не видел, – заметил Черников, покосившись на Бородулину. – Однако она есть.

Убийники коротко рассказали Виктории о происшествии и всем, что с ним связано, спустились вниз и сели в «Тойоту» Черникова.

Уже вставив ключ в замок зажигания, Сергей на секунду замер и резко повернулся к Никитину. Саша перехватил его взгляд и словно прочитал его.

– Русенков, быстро в ЦПЛ! – скомандовал Никитин.

Складывалось впечатление, что в лечебнице все вымерло.

Больные не ходили по коридорам, санитары, очевидно, находились рядом с ними. Исключение составляла лишь молоденькая девушка. На ее шее сияла массивная металлическая цепь с кулоном, на котором красовался Рак – знак зодиака. Она подметала осколки битого стекла. От зеркальной двери осталась лишь табличка с надписью «главврач», но и та валялась на полу.

– А где все? – спросил Черников, с недоумением глядя на пустой проем, ведущий в кабинет, и прислушиваясь к тишине.

– В реабилитационной, – ответила девушка, оценивая взглядом Сергея.

– В какой?..

– А что со всеми одновременно случилось? Почему потребовалась всеобщая реабилитация? – Никитин взял вожжи в свои руки.

– А вы откуда? – прищурилась девушка.

– Из полиции, – просто ответил Черников, стараясь поймать волну, на которой сияли глазки сотрудницы ЦПЛ. – Из полиции мы.

Из полиции мы.

– Не надо два раза подряд говорить. Я работаю здесь, а не лечусь. А что касается реабилитации, так это вы у своих

коллег спросите. Больным сейчас недели две нужно будет, чтобы успокоиться.

– Ладно, – отрезал Саша. – Где больной по фамилии Ру-сенков?

– Так ваши его и увезли. Этот, ненормальный... Как его? Стариков, что ли? Он и увез.

– Куда увез? – ошеломленно спросил Никитин.

– Вы меня спрашиваете?

– Пойдем! – сказал Саша Сергею и направился к выходу.

По ходу движения он рассматривал отпечатки подошв спецназовских ботинок, оставшиеся на дверях кабинетов, и слушал болтовню Черникова и девушки. Размеры обуви были не менее сорок четвертого, а разговоры Черникова – не более чем треп.

– А вы учитесь где? В медицинском? Ну, надо же! А у меня сестра там занимается! Вы на каком факультете? Педиатром будете? Ну что же, по специальности практику выбрали. А сестра гинекологом решила стать. Говорит, что это – ее призвание. А я против такого выбора. Не женское это дело. А вы Рак по знаку зодиака? Нет? А почему кулончик носите? А вы работу во сколько заканчиваете? Можно было бы посидеть где-нибудь, поспорить. Сестра говорит, что медики в основном в «Сингапуре» отдыхают.

Никитин улыбнулся, услышав про «Сингапур».

Да и врал Черников. Нет у него сестры и никогда не было.

– Хороша дивчина, да, брат Никитин? – Черников игриво подмигнул Александру, выворачивая руль на стоянке ГУВД.

– Вот ты и прояви все свое обаяние. Узнай, чем занимался в лечебнице Шостак. Что-то она все равно должна была видеть. Коллектив больницы, как и любого другого учреждения, – маленький колхоз, где все про всех все знают. Из полученной информации выкинь две трети – это сплетни, а остальное смело используй в работе. Буду выделять тебе время для конспиративных встреч. По ночам.

– Только по ночам? – разочарованно протянул Сергей. – Почему? Нужно базу сначала заложить, фундамент...

– Вот и закладывай по ночам. Самое время.

– Нет в тебе лирического начала, Никитин, – вздохнул Черников. – Один голый практицизм.

– Это в тебе один практицизм. Голый. Жениться тебе, барин, пора. А то ты как начальник строительного управления. Одни фундаменты закладываешь, а стены строить забываешь... Черников, я не ошибаюсь в своих догадках, видя на лавочке у входа некоего гражданина?

Сергей посмотрел в лобовое стекло.

– Это Матвейч. Свидетель убийства Верника. Что он здесь делает?

Слесарь в отставке уже третий час ждал прибытия Никитина.

– Здравствуйте! – обрадовался он, заметив оперативников. – А я вас жду!

– Зачем? – буркнул Черников.

Закрывая машину, он искоса посмотрел на Матвеича.

– Хочу изложить свое видение момента. Убийцу надо брать теплым.

– Чего-чего? – Никитин рассмеялся.

– Говорю, убийцу надо брать теплым! – погромче повторил Матвеич, после чего двое полицейских, курящих у входа, обернулись.

– А он нам холодный и не нужен, – недружелюбно бросил Сергей и потянул Никитина за рукав.

Матвеич остался недоволен разговором. Его опять отправили восвояси. На этот раз до завтра.

Никитин так и сказал:

– Если что умное в голову придет, приходи завтра.

Дураки менты. Им помощь предлагаешь, а они рыло воротят. Потом стонут по телику – население, мол, нам не помогает. Матвеич со злостью плюнул под ноги на асфальтовую площадку перед ГУВД и поднялся со скамейки.

– Стоять, гражданин! Вы чего как верблюды харкаете в общественном месте?

Перед слесарем стоял старшина полиции одного с ним возраста.

– Я не в общественном... – пролепетал слесарь.

– Пойдемте со мной, уважаемый. – Матвеич почувствовал, как его взяли под локоток. – У меня тут, в подсобке, метла лишняя завалилась. Где паспорт, гражданин?

Когда Никитин и Черников зашли в кабинет, им пришлось замереть на пороге. Картина и на самом деле была необычной. Стариков и Саморуков сидели нормально, на стульях, а на столе Никитина расположился Русенков. Все трое пили чай с булочками. Больной Русенков закатал рукава пижамы до локтя, чтобы было удобнее, и черпал столовой ложкой смородиновое варенье прямо из банки. Он смотрел на Никитина смеющимися глазами и болтал одной ногой.

– Знаешь, что было самое трудное все эти три месяца? – спросил он, обращаясь к Александру. – Не угадаешь. Не курить! А под блаженного молотить – это два пальца об асфальт. У меня по актерскому мастерству всегда «отлично» было. Как-никак четыре года в Ленинградском институте театра, музыки и кино. А это не шутка.

– Что здесь происходит? – обалдело спросил Черников.

Русенков облизал ложку, соскользнул со стола, подошел к руководителю убойного отдела ГУВД и заявил:

– Ну вы и чудачки.

– Не понял?! – взревел Черников, шагая к Русенкову. – Это ты кому?! Я в этом кабинете только одного чудачка вижу!..

Русенков вернулся к столу и вынул из пачки Старикова сигарету.

– Три месяца коту под хвост! «Нам бы обвенчаться». «Марианна, любовь моя!» Тьфу, блин! Четыре экспертизы на

невменяемость прошел, два курса шоковой терапии, мать-перемать! Я понял, что все рухнет в один момент, когда первый раз увидел ваши физиономии в ЦПЛ! Такие горячие парни, как ты, Никитин, получив один раз по носу, обязательно полезут туда же во второй раз!

– Что здесь происходит? – Черников изо всех сил старался сохранять спокойствие и поглаживал свой огромный кулак.

Если бы в кабинете сейчас не было Никитина, почему-то совершенно спокойного, то псих после первого же удара за-мертво упал бы на пол.

– Кто ты и откуда? – спросил Саша, не дожидаясь ответа на вопрос Черникова.

– Зотов Антон Владиславович, – представился человек в пижаме. – Российское отделение Интерпола. А вы, наверное, Мурманск, задрали как хорек курицу, своими запросами, да? Кто такой бывший мент по фамилии Русенков?

– Точно, – подтвердил Стариков, поднимая со стола распечатанный конверт. – Ответ пришел. Был у них такой сотрудник уголовного розыска.

– У вас есть какая-нибудь одежда? – Зотов потрепал за воротник свою пижаму. – Я, понимаете, не надеялся на столь быстрое выздоровление, поэтому не запасся подходящими вещами.

– Найдем, – пообещал Никитин. – Так чем же заинтересовал Интерпол гражданин Шостак? Я смотрю, он просто на-расхват.

Через полчаса Зотов, Никитин и Черников сидели в небольшом кафе у ГУВД и потягивали пиво из высоких стаканов.

– Господи, три месяца без сигарет и пива! – периодически восклицал Зотов, прерывая свой рассказ.

В данном случае, после выяснения личности экс-больного через отделение Интерпола, соблюдение режима секретности не имело смысла. Разговор шел так, как будто эти трое были знакомы полвека. За Зотовым отправили транспорт из УФСБ, и для обмена мнениями оставалось еще что-то около часа.

– Три месяца назад из Германии поступила информация, что в частную клинику некоего Штилике, расположенную в Бремене, поступают из России человеческие органы и ткани. Проверка немецких сыскарей показала, что единственной документацией, подтверждающей данный товарооборот, являются лишь чеки, выписанные на имя Шостака. В течение последних трех лет сумма на счету Шостака в некоем банке, находящемся во Франкфурте-на-Майне, возросла с пяти тысяч до одного миллиона четырехсот тысяч евро. Немецкие коллеги провели оперативный эксперимент и внедрились в штат клиники Штилике своего человека. За полтора месяца им удалось вычислить лишь факт поставки органов из России. Все. Дорога привела в тупик. Решили идти от источника. Так появился сумасшедший Русенков. В УВД Мурман-

ска изготовили нужные документы, и дело отправили в архив. Теперь, если вдруг кто-то из окружения Шостака стал бы пробивать через свои каналы Русенкова в Мурманске, то ничего не подозревающий сотрудник информационного центра поднял бы его дело из архива и подтвердил, мол, был такой.

– А зачем было создавать легенду именно полицейского? – спросил Черников. – Слишком сложно.

Никитин ответил за Зотова:

– Затем, что Русенкову пришлось бы совать свой нос в ЦПЛ туда, куда не нужно. Рано или поздно он обязательно на чем-нибудь проколется, и будет проще объяснить. Дескать, бывший сыщик привык заниматься деятельностью подобного рода. Даже у сумасшедшего срabатывает подкорка.

– Все правильно. – Зотов мотнул головой. – За три месяца я скормил больным около трех сотен таблеток и порций микстур, лечился на самых современных аппаратах, периодически беседовал с психологом, тупым как молоток. Горд тем, что специалисты самой высокой пробы меня не раскололи. – Зотов рассмеялся. – Я понял одну вещь. Чтобы ты в клинике выглядел больным, нужно вести себя совершенно раскованно и обыкновенно. Как дома с женой. Весь смысл только в том, чтобы постоянно акцентировать тему своего пребывания. Нам бы обвенчаться, – неожиданно проямлил он, и Никитин с Черниковым почувствовали, как у них екнуло где-то под сердцем. – Что, звякнуло под ложечкой?! –

Зотов расхохотался. – Мужики, я был самым перспективным студентом ЛГИТМиКа!

– Пошел ты!.. – в сердцах проговорил Черников и приложился к стакану.

– Вот то-то и оно, что я пошел и забрел уже настолько далеко, что оставалась еще неделя, и можно было всю эту клинику Шостака ломать как источник незаконной поставки за рубеж человеческих тканей. Если я не ошибаюсь, доктор специализировался на глазках.

– У беды глаза зеленые.

– Там всякие были. И зеленые, и карие. Мне удалось проникнуть в холодильник. Санитары чуть не спалили. Так вот, я уже поздравлял себя с успешно проведенной операцией, как появился вот этот кадр. – Зотов показал пальцем на Старикова. – В принципе, я сам виноват. Жаба задавила, думал, кто-то решил, не надевая пижамы, увести у меня дело из-под носа. Пошел на разведку и через минуту понял, что Игорьку здесь ловить нечего. Пусть уж простит меня. Но вместо покоя пришла тревога. Почувствовал, что Шостак взял меня на карандаш. Вот тут началось самое тяжелое. Вы знаете, что такое шоковая терапия? После второго сеанса я почти сутки выходил из анабиоза, был как растение. Шостак ведь спец довольно высокого класса. Он заинтересовался моей персоне. Третий сеанс. Я отлично понимал, что лекарь просто лишал меня разума. Было бы еще лучше, если бы я вообще в морг переехал. Только было Шостак отстал от меня, тут ты,

Саша, появляешься как нарисованный. Со всей своей братвой. Кстати, метагексоэпам проверил? – Зотов расхохотался. – Ты не обижайся, Саша, я просто не хотел, чтобы ты мне мешал. Этот идиот ведь мог меня просто убить. Ему это ничего не стоило. А что касается этого метагексоэпама – нет такой хреновины в природе! Думал так: сейчас заглотит мужик тему и начнет ее обсасывать со всех сторон! А когда выяснит, что псих его самого дураком выставил, плюнет и больше здесь не появится! – Зотов сделал пару глотков и посмотрел на Никитина как на безнадежного. – Но тут я ошибся. Хотя понять мне это нужно было еще тогда, в наше первое знакомство. Расколос ты меня, коллега, профессиональнее любого психиатра. Это я по взгляду твоему понял. Не веришь никому по жизни, да? Ну и ладно. На следующий день уже знакомый мне Стариков с четырьмя гуманоидами в форме СОБРа вломились в лечебницу. Не знаю, как сейчас чувствуют себя больные, но как выглядят шестеро охранников, отважно вступивших в схватку, я предполагать могу. Досмотреть это сражение до конца мне не дал все тот же Стариков, который с успокаивающим криком: «Русенков, не бойтесь, мы вас обвенчаем!» – схватил меня в охапку и поволок к выходу. Наверное, спасал. Потом мне долго пришлось твоим парням объяснять, что я никакой не сумасшедший. Кстати, ты бы провел со своими подчиненными занятия, Никитин. А то они меня решили проэкзаменовать, и в ходе этого мероприятия я стал сомневаться в их профпригодности. Ты

им скажи, что Вторая мировая началась не двадцать второго июня, а первого сентября, и не сорок первого, а тридцать девятого. Короче говоря, изгадили вы мне, братцы, все дело, – заявил Зотов. – Послезавтра Шостак должен был заключить очередную сделку с клиником Штилике. Вот тогда и нужно было его хавать. Могли бы вы и подождать пару дней, черт вас побери. А апельсин мы поделили бы пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.